

ISSN: 2949-284X

IP: ТЕОРИЯ

Сетевой
научный журнал

И ПРАКТИКА

№ 1 (9). 2025

**Журнал ВАК
«Копирайт»**

**Журнал РГАИС
«Альманах»**

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Альбов А.П. Государственный интерес как критерий правомерности лицензирования: теоретико-правовой аспект 3 - 17

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Матерова В.Д. Проблемы правового регулирования и терминологии института ноу-хау в России 18 - 26

Ревинский О.В. Позиция Кассационного суда Армении в делах, связанных с патентами 27 - 42

ЭКОНОМИКА

Ипполитов С.С., Ищенко А.А., Трофимова А.Х. Финансовые корпорации и цифровые финансовые инструменты в сегменте венчурных инвестиций: проблемы и перспективы 43 - 84

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Ревинский О.В. Возможности национализации интеллектуальных прав 85 - 96

Корнеев П.С. Злоупотребление патентными правами и практика принудительного лицензирования в РФ 97 - 106

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Зеленков В.И. Анализ дискуссии о соотношении общих и специальных норм в контексте оспаривания интеллектуальных прав 107 - 115

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 338.486.1.025.3

Государственный интерес как критерий правомерности лицензирования: теоретико-правовой аспект

Алексей Павлович Альбов,

Российская государственная академия интеллектуальной
собственности

Москва, Россия

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
гражданского и предпринимательского права

aap62@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

Аннотация. Автор исследует государственный интерес как ключевой критерий правомерности лицензирования предпринимательской деятельности, анализируя различные подходы к его определению и соотношение со свободой предпринимательства. Рассматриваются как формальные, так и материальные аспекты государственного интереса, подчеркивается необходимость баланса между публичными и частными потребностями. Также обсуждаются практические проблемы применения этого критерия, включая риски произвольного толкования и коррупции, и предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере лицензирования для обеспечения его прозрачности, объективности и соответствия принципам правового государства, включая четкую формулировку критериев и механизмов контроля.

Ключевые слова: лицензирование, государственный интерес, свобода предпринимательства, публичные интересы, частные интересы, правомерность, законодательство, коррупция, правовое государство.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Принудительное лицензирование по мотивам государственного, общественного и иного публичного интереса: правовой и социально-экономический аспект» (5-ГЗ 2023).

Для цитирования: Альбов А.П. Государственный интерес как критерий правомерности лицензирования: теоретико-правовой аспект // IP: теория и практика. 2025. № 1 (9).

**State interest as a criterion for the legality of licensing:
theoretical and legal aspect**

Alexey P. Albov,
Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow. Russia
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business
Law aap62@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

Abstract. The article examines the state interest as a key criterion for the legality of licensing of entrepreneurial activity, analyzing various approaches to its definition and the relationship with freedom of entrepreneurship. The authors consider both formal and material aspects of the state interest, emphasizing the need for a balance between public and private needs. Practical problems of applying this criterion are also discussed, including the risks of arbitrary interpretation and corruption, and recommendations are offered for improving the legislation in the field of licensing to ensure its transparency, objectivity and compliance with the principles of the rule of law, including a clear formulation of criteria and control mechanisms.

Key words: licensing, state interest, freedom of entrepreneurship, public interests, private interests, legality, legislation, corruption, rule of law.

Funding: The study was carried out within the framework of the research work “Compulsory licensing based on state, public and other public interests: legal and socio-economic aspect” (5-GZ 2023).

For citation: Albov A.P. State interest as a criterion for the legality of licensing: theoretical and legal aspect // IP: theory and practice. 2025. No. 1 (9).

Введение

Актуальность настоящего исследования связана с тем, что сегодня, как никогда, лицензирование стало играть важнейшую роль в регулировании разнообразных сфер современной жизни, что позволяет обеспечивать устойчивый баланс между свободой предпринимательства и интересами

общества и государства. Государственный контроль над сферами деятельности, требующими особого надзора, осуществляется через систему лицензирования. В настоящее время она охватывает более 50 видов деятельности. Лицензирование служит инструментом государственного регулирования экономики, одновременно ограничивая доступ на рынок и обеспечивая соблюдение стандартов качества и безопасности. В Российской Федерации механизм, процедура и условие лицензирования определяются Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ.

Методы

В процессе исследования были использованы юридико-догматический, системный, функциональный методы, методы анализа и синтеза материала.

Основное исследование

Государственный интерес – важный, но не единственный критерий правомерности лицензирования; для его эффективного применения необходима слаженно работающая система права, прозрачные процедуры и общественный контроль, а также механизмы судебной защиты. Также следует совершенствовать законодательство, разрабатывая более конкретные критерии оценки заявителей, упрощая процедуры и расширяя возможности обжалования, прозрачность которых способна повысить цифровизация.

Лицензирование позволяет установить минимальные профстандарты, стандарты безопасности и ответственности в таких областях, как медицина, образование, строительство, транспорт, использование природных ресурсов и многих других, способствуя повышению доверия граждан к государственным институтам и созданию благоприятной среды для ведения легального бизнеса.

Например, лицензирование медицинской деятельности устанавливает минимальные требования к образованию и опыту врачей, а также к оборудованию и условиям работы медицинских учреждений¹. Это позволяет

¹ Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 (ред. от 20.03.2024) «О лицензировании медицинской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

гарантировать определенный уровень качества медицинских услуг и безопасности пациентов, повышая доверие граждан к системе здравоохранения. В строительстве лицензирование обеспечивает соблюдение строительных норм и правил, что снижает риск несчастных случаев, тем самым создавая более безопасную среду и способствуя развитию легального строительного бизнеса². Аналогично, лицензирование в сфере образования гарантирует соответствие учебных заведений определенным стандартам, обеспечивая качество предоставляемых образовательных услуг³.

Все это в совокупности способствует повышению доверия граждан к государственным институтам и созданию условий для развития легального бизнеса в различных отраслях.

Цель статьи – проанализировать государственный интерес как основание и критерий правомерности лицензирования, выявив его место в системе правовых норм и механизмов государственного регулирования, а также определить критерии, позволяющие отличать правомерное лицензирование от неправомерного.

Для этого потребуется определить понятие и содержание государственного интереса в контексте лицензирования; проанализировать критерии правомерности лицензирования; исследовать соотношение государственного интереса и частных интересов в процедуре лицензирования, определив при этом механизмы защиты прав субъектов лицензирования.

В теории права и государства нет единого, универсального определения государственного интереса, однако существует два основных дискурса: формальный и материальный.

Формальный подход определяет государственный интерес через законодательство, как совокупность целей и задач, прописанных в

² Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1490 (ред. от 20.06.2024) «О лицензировании образовательной деятельности» (вместе с Положением о лицензировании образовательной деятельности) // СПС «КонсультантПлюс».

нормативных правовых актах, и, следовательно, все действия, способствующие достижению этих целей, считаются соответствующими государственному интересу [1]. Однако такой подход может быть подвержен субъективной интерпретации и не всегда адекватно отражает динамику общественных потребностей.

Материальный подход фокусируется на содержании государственного интереса, при этом учитываются международные, социальные, экономические и политические факторы, в этом случае государственный интерес определяется как совокупность потребностей общества, обеспечивающих его устойчивое развитие и благополучие граждан [2]. На наш взгляд, последний дискурс более гибкий и социально ориентирован, но его сложно формализовать и объективно измерить.

Поэтому на практике часто применяются смешанные подходы, сочетающие формальные и материальные критерии для определения государственного интереса в конкретных ситуациях. Например, при лицензировании фармкомпаний учитываются как формальные критерии (наличие необходимых технологий и квалифицированного персонала), так и материальные (объем инвестиций, социальные обязательства) [3].

Правовые основы государственного интереса не сводятся к одному конкретному закону или статье конституции, а распределены по различным нормативным правовым актам и вытекают из сущности государства, его целей и задач в каждое конкретное время. Конституция РФ, как основной закон страны, закладывает фундамент, определяя высшие ценности и цели государства, на которые ориентируется законодательство: принципы социальной справедливости, защиты прав и свобод граждан, обеспечения безопасности государства и благосостояния народа, которые являются основой для формирования государственного интереса в различных сферах.

Конкретные законодательные акты детализируют и конкретизируют эти конституционные положения, определяя, как государственный интерес реализуется в отдельных отраслях права (экологии, защиты здоровья

населения, имущественных отношений и т.д.). При этом законодательство содержит отсылки к конституционным нормам, подчеркивая связь конкретных правовых норм с целями и функциями государства.

Таким образом, правовые основы государственного интереса представляют собой сложную систему взаимосвязанных конституционных и законодательных норм, определяющих цели, принципы и механизмы его реализации в различных аспектах общественной жизни.

Любое государство стремится к гармоничному сочетанию конкурирующих ценностей. На практике это соотношение часто представляет собой сложный баланс, требующий тщательного правового регулирования и судебного контроля [4].

В целях реализации государственных задач и обеспечения частных и публичных интересов государство вынуждено ограничивать права граждан и других субъектов правоотношений: «Целью законодательного регулирования ограничения права является недопущение злоупотребления правом и нарушения интересов личности и общества» [5]. При этом в части 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации установлен исчерпывающий перечень легитимных оснований для правоограничений, что помогает защитить права от необоснованного или неправомерного ограничения со стороны властных субъектов⁴.

Однако такие ограничения должны быть: 1) законными, т.е. основанными на законе, четко сформулированном и не допускающем произвольного толкования; 2) необходимыми в демократическом обществе, т.е. оправданными с точки зрения защиты важных общественных интересов, таких как национальная безопасность, общественный порядок, защита здоровья населения; 3) пропорциональными, т.е. не выходящими за пределы, необходимые для достижения легитимной цели. Пропорциональность

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 11.09.2017, № 37.

предполагает, что ограничение должно быть наименее обременительным способом достижения данной цели⁵.

С одной стороны, возможность ограничения государством прав и свобод человека само по себе имеет негативную коннотацию, с другой – через ограничения привносится порядок, обеспечивающий соблюдение прав граждан и позволяющий обществу нормально функционировать [6]. Даже в случае наличия легитимной цели ограничения, государство обязано минимизировать ущерб, наносимый правам и свободам граждан, и обеспечить их эффективную защиту. Это предполагает наличие механизмов судебного контроля, возможности обжалования решений государственных органов, а также эффективных средств правовой защиты.

Обсуждая вопрос соотношения публичных и частных интересов, нельзя не указать принцип соразмерности, т.е. адекватность вводимых ограничительных мер имеющейся угрозе [7], когда они не должны являться чрезмерными или, напротив, недостаточными.

Таким образом, соотношение государственного интереса и прав человека достигается путем нормативного установления границ вмешательства государства в частную жизнь граждан и обеспечения гарантий защиты.

Определение государственного интереса в контексте лицензирования требует комплексного подхода, важно, чтобы критерии были четкими, объективными, где бы исключалась возможность произвольной интерпретации и обеспечивался баланс государства и правами лицензиата. Споры вокруг этого механизма касаются как его правомерности, так и последствий для инновационной деятельности, экономики, и социального благосостояния в целом. Введение в тему требует глубокого понимания баланса между правами интеллектуальной собственности и потребностями

⁵ Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 гг.) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020).

общества, что делает анализ принудительного лицензирования важным элементом правовой науки [8].

Однако эффективность лицензирования напрямую зависит от четкости и прозрачности законодательной базы, а также от отсутствия коррупционных практик. Необходимо минимизировать бюрократические барьеры и обеспечить объективность оценки соответствия заявителей установленным требованиям. Избыточное или необоснованное лицензирование может, наоборот, препятствовать развитию предпринимательства и снижать конкуренцию. Вследствие этих условий важно постоянно анализировать эффективность применяемых механизмов лицензирования и вносить необходимые поправки в законодательство, обеспечивая свободу предпринимательской деятельности и интересы общества [9].

Существует достаточно много видов лицензирования, которые классифицируются по различным основаниям:

- по объекту регулирования выделяют лицензирование отдельных видов деятельности (медицинская, образовательная, строительная и т.п.);
- по видам продукции (лекарственные препараты, пищевые продукты и т.п.);
- по видам использования природных ресурсов (добыча полезных ископаемых, водопользование и т.п.);
- по территориальному признаку (федеральное, региональное, местное);
- по срокам действия лицензий (бессрочные, срочные).

Кроме того, лицензирование может быть обязательным (для всех участников рынка) или разрешительным (только для тех, кто подал заявку и соответствует критериям).

Особенности применения лицензирования, включая специфику критериев отбора, процедуры выдачи и контроля, зависят от конкретной отрасли экономики, ее уровня развития, а также от целей государственного регулирования, которые могут включать в себя обеспечение безопасности,

защиту прав потребителей, поддержание конкуренции или рациональное использование природных ресурсов.

Важно также для обеспечения правовой определенности и эффективности регулирования разграничение лицензирования от иных форм государственного регулирования (сертификация, аккредитация, регистрация, надзор и контроль).

Лицензирование – это правовой процесс, при котором одна сторона (лицензиар) предоставляет другой стороне (лицензиату) разрешение на использование определенных прав, например, на товарный знак. Взамен лицензиат обязуется соблюдать условия, предусмотренные договором, и, как правило, платить лицензионные платежи; т.е. лицензирование есть некий нормативный порядок осуществления определенной деятельности, устанавливающий прямой запрет на ее ведение без получения соответствующего документа.

В отличие от лицензирования, другие формы регулирования не запрещают само осуществление деятельности без получения разрешения, хотя и могут предъявлять требования к качеству продукции или услуг. Понимание этих различий позволяет избежать дублирования функций государственных органов и избыточного административного бремени для бизнеса⁶.

Лицензирование обычно предполагает более строгий контроль и более высокую планку требований, чем другие формы, и чаще всего используется в сферах, где потенциальный риск для общества или окружающей среды особенно высок. Выбирая форму регулирования, государство должно учитывать специфику конкретной сферы деятельности, минимизируя бюрократические барьеры и обеспечивая эффективный контроль.

Например, деятельность по автобусной перевозке пассажиров подлежит лицензированию, т.к. связана с повышенным риском для жизни и здоровья

⁶ Приказ Министерства экономического развития РФ от 25.09.2012 № 623 «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению процедуры и порядка проведения оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации».

людей, в то же время деятельность по ремонту техники также важна для потребителей, но не представляет столь же высокой степени риска, и поэтому для нее достаточно уведомительной регистрации.

Следовательно, любое ограничение предпринимательской деятельности, связанное с получением лицензии, должно быть обосновано необходимостью защиты общественных интересов. Это означает, что государство должно демонстрировать наличие реальной угрозы, которую лицензирование призвано предотвратить или минимизировать. Например, в сфере здравоохранения лицензирование медицинской деятельности обосновано необходимостью защиты жизни и здоровья граждан, а в сфере строительства – обеспечением безопасности объектов и предотвращением экологического вреда. Без явного и доказанного наличия такого риска лицензирование может быть признано неправомерным ограничением свободы предпринимательства.

Процедура лицензирования должна быть прозрачной и недискриминационной, исключая возможность произвольного толкования и коррупции, только при соблюдении этих условий лицензирование может служить эффективным инструментом реализации государственного интереса без ущерба для экономики и интересов граждан [10].

Необходимо отметить, что конфликт между государственным и частными интересами неизбежен, особенно в условиях ограниченных ресурсов или при необходимости принятия решений с далеко идущими последствиями. В таких случаях государство должно обосновывать свои действия, опираясь на объективные критерии и доказательства, демонстрируя необходимость ограничения частных интересов в пользу достижения более значимых общественных целей. Важно также обеспечить наличие механизмов обжалования решений государственных органов, позволяющих защитить нарушенные права и интересы частных лиц. Только при условии соблюдения принципов законности и справедливости государственное вмешательство в частную сферу может считаться правомерным и социально приемлемым [11].

Применение лицензирования, несмотря на свою важность для защиты государственного интереса, сопряжено с рядом рисков и потенциальных нарушений. Один из основных рисков это коррупция. Непрозрачность процедур и отсутствие четких критериев оценки заявителей создают благоприятную почву для злоупотреблений, когда лицензии выдаются не на основе объективных показателей, а за взятки или другие незаконные вознаграждения. Это приводит к неэффективному распределению ресурсов и подрывает доверие к государственным органам. Для избежания негативных факторов «требуется ускорение реализуемого курса Правительства РФ на цифровизацию в сфере государственного регулирования, призванного обеспечить безотлагательный перевод в электронную форму всех аспектов разрешительной деятельности, включая предоставление дистанционно через МФЦ и портал «Госуслуги» ряда услуг естественных монополий и услуг, необходимых при осуществлении предпринимательской деятельности» [12].

Другой риск связан с избыточным регулированием. Чрезмерное количество лицензий, сложные и запутанные процедуры получения, высокие пошлины и сборы создают ненужные барьеры для ведения бизнеса, препятствуют развитию конкуренции и инноваций. На июнь 2017 г. количество процедур, необходимых для получения разрешения на строительство помещения склада, составило 14; срок – 239,4 дня, стоимость – 1,3% от стоимости готового объекта строительства, индекс качества строительного контроля – 10 (из 15 возможных). Для сравнения, в Дании (первое место в Рейтинге по данному индикатору) аналогичные показатели составили: 7 процедур, 64 дня, 1,4% от стоимости готового объекта [13].

Нарушения могут выражаться в незаконной выдаче лицензий, продлении лицензий с нарушением установленных правил, а также в препятствовании законной деятельности субъектов, имеющих право на получение лицензии. Важно также отметить риск неравного доступа к лицензированию, когда определенным группам лиц или организациям искусственно создаются более

благоприятные условия для получения лицензий, чем другим, что нарушает принцип равенства перед законом [14].

Лицензии могут выдаваться или отзываться не на основе объективных критериев, а по усмотрению должностных лиц, с целью получения личной выгоды или удовлетворения интересов определенных групп. Это может включать в себя необоснованный отказ в выдаче лицензии, затягивание процедуры, предъявление неправомерных требований, а также использование угроз и давления на заявителей. Коррупционные проявления тесно связаны с такими злоупотреблениями, создавая условия для взяточничества и незаконного обогащения.

Заключение

Таким образом, государственный интерес является необходимым, но недостаточным критерием правомерности лицензирования, его эффективное применение требует четкого законодательного закрепления, прозрачных и предсказуемых процедур, а также механизмов общественного контроля и судебной защиты.

Для совершенствования законодательства и практики лицензирования необходимы: более конкретные и объективные критерии оценки соответствия заявителей, упрощение процедур, расширение возможностей для обжалования решений, а также внедрение цифровых технологий для повышения прозрачности. Перспективы дальнейших исследований лежат в области анализа эффективности различных моделей лицензирования, изучения влияния цифровизации на процессы лицензирования, а также разработки механизмов оценки соответствия критериям государственного интереса с применением современных аналитических методов и инструментов искусственного интеллекта⁷.

⁷ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Список источников

1. Костенников М.В. и др. К вопросу о понятии и методах государственного управления в административном праве / М.В. Костенников, А.В. Куракин, А.В. Павлюк // *Вестник Административного права и практики администрирования*. 2014. № 2. С. 40–63.
2. Гонтарь А.К. Теоретические основы политэкономического анализа международных отношений / А.К. Гонтарь. – Текст: непосредственный // *Молодой ученый*. 2020. № 50 (340). С. 541–544. URL: <https://moluch.ru/archive/340/76326/> (дата обращения: 19.02.2025).
3. Изменения в сфере фармацевтического лицензирования и обращения ЛС: сайт. URL: <https://kaslpro.ru/blog/farmatsevtika/izmeneniya-v-sfere-farmatsevticheskogo-litsenzirovaniya-i-obrashcheniya-ls/> (дата обращения: 01.10.2024).
4. Астафичев П.А. Баланс конкурирующих принципов, интересов и ценностей в конституционном праве России // *Актуальные проблемы правового регулирования*. Серия Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). Вып. 30. С. 79–85.
5. Филиппов К. Природа ограничения права через категорию интереса государства // *Закон.ру*. URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/08/priroda_ogranicheniya_prava_cherez_kategoriyu_interesa_gosudarstva (дата обращения: 15.02.2025).
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. Москва: Прогресс, 1985. С. 30.
7. Кондрат И.Н. Ограничение прав и свобод личности: принципы, основания, пределы / И. Н. Кондрат // *Законодательство*. 2012. № 12. С. 67.
8. Гаврилов Э.П. О «столкновениях» исключительных прав / Э. П. Гаврилов // *Хозяйство и право*. 2010. № 10. С. 9–18.
9. Лицензирование. Разблокировка новых горизонтов: лицензирование и соблюдение нормативных требований: сайт. URL: <https://fastercapital.com/ru/content/> (дата обращения: 15.02.2025).
10. Федоринова Е.А. Гармония публичного и частного интереса как цель правовой политики государства / *Публичное, корпоративное, личное право: проблемы конфликтологии и перспективы консенсуальности: мат-лы V Междунар. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 2-3 декабря 2005 г.* / под ред. В.П. Сальникова, О.А. Ромашова, Н.С. Нижник: в 2 ч. СПб., 2005. Ч. 1.

11. Милушева Т.В. Конфликт интересов как фактор ограничения публичной власти: теоретико-правовой аспект / Т. В. Милушева // Вестник Поволжского института управления. 2009. № 4. С. 4–11.

12. Регуляторные и коррупционные риски в сфере государственного регулирования деятельности субъектов предпринимательства: меры минимизации в условиях кризиса [Текст]: докл. на XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Д. В. Крылова, С. В. Таут, С. А. Пархоменко и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 2020. С. 6. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/01/1604079440/Регуляторные_и_коррупционные_риски.pdf (дата обращения: 12.02.2025).

13. Ведение бизнеса. Методика // Интернет-портал «Всемирный банк»: сайт. URL: <http://russian.doingbusiness.org/rankings> (дата обращения: 11.02.2025).

14. РосКвартал® – интернет-служба № 1 для управляющих организаций: сайт. URL: <https://roskvartal.ru/licenzirovanie/9487-grubye-narusheniya-licenzionnyh-trebovaniy-i-chto-za-nih-budet> (дата обращения: 10.02.2025).

References

1. Kostennikov M.V., Kurakin A.V., Pavlyuk A.V. On the question of the concept and methods of public administration in administrative law. *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya = NB: Administrative law and practice of administration*. 2014. № 2. P. 40–63 (in Russ.).

2. Gontar' A. K. Theoretical foundations of the political economic analysis of international relations. *Molodoj uchenyj = Young scientist*. 2020. № 50 (340). P. 541–544. URL: <https://moluch.ru/archive/340/76326/> (date of access: 19.02.2025) (in Russ.).

3. Changes in the field of pharmaceutical licensing and drug treatment: website. URL: <https://kaslpro.ru/blog/farmatsevtika/izmeneniya-v-sfere-farmatsevticheskogo-litsenzirovaniya-i-obrashcheniya-ls/> (in Russ.).

4. Astafichev P.A. The balance of competing principles, interests and values in the constitutional law of Russia. *Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Pravo = Actual problems of legal regulation. The Philosophy series. Sociology. Right*. 2014. № 22 (193). V. 30. P. 79–85 (in Russ.).

5. Filippov K. The nature of the restriction of law through the category of state interest. URL:

https://zakon.ru/blog/2020/07/08/priroda_ogranicheniya_prava_cherez_kategoriyu_interesa_gosudarstva (date of access: 15.02.2025) (in Russ.).

6. Gumbol't V. Language and cultural philosophy. Moscow. *Progress Publ.* 1985. P. 30 (in Russ.).

7. Kondrat I.N. Restriction of individual rights and freedoms: principles, grounds, limits. *Zakonodatel'stvo = Legislation.* 2012. № 12. P. 67.

8. Gavrilov E.P. On the "collisions" of exclusive rights. *Hozyajstvo i pravo = Economy and Law.* 2010. № 10. P. 9–18 (in Russ.).

9. Licensing. Unlocking new horizons: Licensing and regulatory compliance. URL: <https://fastercapital.com/ru/content/> (date of access: 15.02.2025) (in Russ.).

10. Fedorinova E.A. Harmony of public and private interest as a goal of the State's legal policy / Public, corporate, and personal Law: Problems of conflictology and prospects of consensuality: Proceedings of the V International Scientific and Theoretical Conference, St. Petersburg, 2–3.12.2005 / V. P. Sal'nikova, O. A. Romashova, N. S. Nizhnik: v 2 ch. SPb., 2005. Ch. 1 (in Russ.).

11. Milusheva T.V. Conflict of interests as a factor limiting public power: a theoretical and legal aspect. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Institute of Management.* 2009. № 4. P. 4–11 (in Russ.).

12. Regulatory and corruption risks in the sphere of state regulation of business entities: minimization measures in a crisis [Text]: reports for the XXI Apr. international Scientific Conference on problems of economic and social development / D. V. Krylova, S. V. Taut, S. A. Parkhomenko et al.; National research. University of Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 2020. P. 6. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/01/1604079440/Regulyatornye_i_korruptsiyonnye_riski.pdf (date of access: 12.02.2025) (in Russ.).

13. Running a business. Methodology // The World Bank Internet Portal: website. URL: <http://russian.doingbusiness.org/rankings> (date of access: 11.02.2025) (in Russ.).

14. RosKvartal® – Internet service No. 1 for management organizations: website. URL: <https://roskvartal.ru/licenzirovanie/9487-grubye-narusheniya-licenzionnyh-trebovaniy-i-chto-za-nih-budet> (date of access: 10.02.2025) (in Russ.).

Статья поступила 03.03.2025, принята к публикации: 10.03.2025.

© Альбов А.П., 2025

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 347.775

Проблемы правового регулирования и терминологии института ноу-хау в России

Виктория Дмитриевна Матерова,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности

Москва, Россия

Магистрант

vdmaterova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем правового регулирования и терминологии института ноу-хау в Российской Федерации. В условиях стремительного технологического прогресса ноу-хау становится важным нематериальным активом, обеспечивающим компаниям конкурентное преимущество. Автор анализирует легальное определение ноу-хау, закрепленное в статье 1465 Гражданского кодекса РФ, и выявляет его соответствие сущностным характеристикам данного института. Особое внимание уделено проблемам разграничения ноу-хау и смежных понятий, таких как информация, защищенная режимом коммерческой тайны, а также вопросам защиты конфиденциальности ноу-хау. В статье подчеркивается неопределенность критериев отнесения информации к ноу-хау и отсутствие четких механизмов оценки «разумных мер» защиты, что создает трудности в правоприменительной практике. Автор приходит к выводу о необходимости уточнения терминологического аппарата и совершенствования правового регулирования для обеспечения эффективной защиты прав обладателей ноу-хау.

Ключевые слова: ноу-хау, секрет производства, коммерческая тайна, интеллектуальная собственность, правовое регулирование, конфиденциальность, Гражданский кодекс РФ.

Для цитирования: Матерова В.Д. Проблемы правового регулирования и терминологии института ноу-хау в России / В.Д. Матерова // IP: теория и практика. 2025. № 1 (9).

Original article

Problems of Legal Regulation and Terminology of the Know-How Institution in the Russia

Victoria D. Materova,

Russian State Academy of Intellectual Property

Moscow, Russia

Master's student

vdmaterova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of problems of legal regulation and terminology of the know-how institution in the Russian Federation. In the context of highly competitive intensity and rapid technological progress, know-how becomes an important intangible asset that provides companies with a competitive advantage. The author analyzes the legal definition of know-how, enshrined in Article 1465 of the Civil Code of the Russian Federation, and identifies its compliance with the essential characteristics of this institution. Particular attention is paid to the problems of distinguishing know-how from related concepts, such as trade secrets, as well as issues of protecting the confidentiality of know-how. The article emphasizes the uncertainty of the criteria for classifying information as know-how and the lack of clear mechanisms for assessing «reasonable measures» of protection, which creates difficulties in law enforcement practice. The author concludes that it is necessary to clarify the terminological apparatus and improve legal regulation to ensure effective protection of the rights of know-how holders.

Key words: know-how, trade secret, commercial secret, intellectual property, legal regulation, confidentiality, Civil Code of the Russian Federation.

For citation: Materova V.D. Problems of Legal Regulation and Terminology of the Know-How Institution in the Russia // IP: theory and practice. 2025. No. 1 (9).

Введение

Современная предпринимательская среда, характеризующаяся высокой конкурентной интенсивностью, определяет интеллектуальную собственность, в том числе не подлежащие патентованию конфиденциальные разработки, как критический фактор конкурентоспособности предприятий. В контексте

стремительного технологического прогресса и глобализации экономических процессов наблюдается закономерное усиление востребованности в институциональных механизмах, обеспечивающих охрану коммерческой ценности инновационных разработок и идей. Данные условия обуславливают актуальность института секрета производства (ноу-хау).

Методы

В рамках настоящего исследования предпринята попытка уточнения терминологического аппарата и выявления проблемных аспектов на основе действующего правового регулирования методом научного анализа.

Основное исследование

Сама концепция «ноу-хау» означает совокупность практических знаний и навыков, необходимых для достижения определенного результата. С экономической точки зрения, ноу-хау определяют как ценный нематериальный актив, который предоставляет владельцу конкурентное преимущество. Это определение включает в себя следующие ключевые аспекты: экономическая ценность; конкурентное преимущество; сложность копирования или воспроизведения; объект коммерческой эксплуатации [1].

Анализ дефиниций понятия «ноу-хау», предложенных российскими исследователями, демонстрирует тенденцию к отнесению секретов производства к результатам интеллектуальной деятельности. При этом «ноу-хау» может рассматриваться как объект права, обладающий дуалистической правовой природой [2, с. 7], как сочетающий в себе признаки изобретения [3], так и информации, характеризующейся экономической полезностью [4]. Однако, так или иначе, с дефиницией понятия российская доктрина в большинстве своем смогла определиться; немаловажную роль в этом играет, помимо прочего, легальное закрепление понятия ноу-хау в ст. 1465 ГК РФ.

Законодательная классификация делит охраняемые объекты интеллектуальной собственности на три основные группы: объекты авторских

и смежных прав, объекты патентных прав и средства индивидуализации, обозначая перечень объектов, относящихся к каждой категории (ст. 1349, 1259, 1304 ГК РФ, Глава 76 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹). Однако несколько объектов, включая ноу-хау, имеют собственные, посвященные только им разделы ГК РФ, не относящие их ни к одной из вышеперечисленных групп. Это позволяет сделать вывод, что в существующей правовой реальности верным будет отнесение секрета производства к нетрадиционным объектам интеллектуальной собственности. Такая законодательная классификация, конечно, указывает на нетипичную правовую природу секрета производства, но также однозначно обозначает его в качестве одного из охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

В этой связи возникает вопрос о степени соответствия легального определения, закрепленного в ГК РФ, сущностным характеристикам исследуемого явления; наличия в данном определении четких критериев разграничения «ноу-хау» и смежных институтов, в частности, информации, защищенной режимом коммерческой тайны.

Сравнительный анализ критериев отнесения информации к секрету производства и коммерческой тайне² выявляет следующие общие признаки: наличие коммерческой ценности, обусловленной неизвестностью информации для третьих лиц и отсутствием свободного законного доступа к ней. При этом, согласно легальному определению ноу-хау, коммерческая тайна соотносится с ноу-хау в рамках возможности введения для последнего соответствующего режима защиты.

В научной литературе отсутствует консенсус относительно отличительных сущностных характеристик данных категорий. Ряд исследователей подчеркивает дуалистическую природу информации, охраняемой в режиме коммерческой тайны, указывая на ее двойственный

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

характер: с одной стороны, она может представлять собой секрет производства, относящийся к объектам интеллектуальной собственности; с другой – включать в себя иную информацию, подпадающую под режим конфиденциальности [5]. Альтернативная точка зрения ставит под сомнение целесообразность введения в правовое поле понятия «ноу-хау», учитывая уже существующий и более устоявшийся институт коммерческой тайны [6]. В частности, высказывается мнение, что закрепление в ГК РФ понятия «ноу-хау» привело к терминологической путанице между секретом производства и коммерческой тайной, а также к расхождению юридического определения секрета производства с его традиционным пониманием [7].

Тогда как ноу-хау, в соответствии с ГК РФ, является одним из объектов интеллектуальной собственности, информация, составляющая коммерческую тайну, к данной категории не относится. Таким образом, ноу-хау является по отношению к ней более узким понятием, однако может и не являться пересекающимся с ней в случае, если правообладатель изберет другие способы охраны для ноу-хау вместо введения режима коммерческой тайны. Также подразумевается, что ноу-хау должно быть связано с какой-либо инновацией, тогда как коммерческая тайна охватывает более широкий спектр информации. Различается и режим охраны: в отношении информации, составляющей коммерческую тайну, логично, обязательно введение данного режима, а в отношении ноу-хау – факультативно. Соответственно, различаются и последствия нарушения: нарушение режима коммерческой тайны может повлечь дисциплинарную, гражданско-правовую, административную или даже уголовную ответственность, а нарушение прав на секрет производства влечет за собой гражданско-правовую ответственность, а именно возмещение убытков, если иное не предусмотрено законом или договором, иная же ответственность в данном случае возможна только в случае установления режима коммерческой тайны.

Таким образом, неопределенность критериев отнесения информации к ноу-хау [8; 9; 10] создает трудности в идентификации охраняемых сведений,

что, в свою очередь, порождает регулятивные проблемы, связанные с обеспечением охраны и защиты конфиденциальности, а также с возможностью правомерной передачи прав на использование такой информации на основании договорных обязательств.

В контексте защиты конфиденциальности ноу-хау ст. 1465 ГК РФ предписывает обладателю ноу-хау принимать разумные меры для обеспечения его конфиденциальности, включая введение режима коммерческой тайны. Однако формулировка данной статьи предполагает, что понятие «разумные меры» включает в себя более широкий спектр инструментов защиты, нежели исключительно режим коммерческой тайны. Отсутствие законодательно закрепленного перечня «разумных мер» предоставляет обладателю ноу-хау дискрецию в выборе соответствующих средств защиты, фиксируемых в локальных нормативных актах или договорных соглашениях.

Данное положение порождает неопределенность в отношении критериев оценки «разумности» выбранных мер защиты и субъекта, уполномоченного осуществлять такую оценку. Отсутствие четких законодательных критериев и механизмов оценки приводит к потенциальным сложностям в правоприменительной практике. Предоставление исключительной прерогативы в определении «разумности» правообладателю может быть признано недостаточным для эффективной защиты, в то время как судебные органы, не имеющие четких критериев, вынуждены принимать решения, основываясь на собственном усмотрении.

Вследствие вышеизложенного, эффективность существующей системы защиты ноу-хау вызывает обоснованные сомнения, поскольку неопределенность в критериях оценки «разумных мер» и отсутствие четко определенного субъекта, осуществляющего такую оценку, могут приводить к непредсказуемости вынесенных судебных решений и, как следствие, к ослаблению защиты прав обладателей ноу-хау.

Заключение

Таким образом, для обеспечения однозначного и эффективного правового регулирования представляется целесообразным углубленное и конкретизированное определение сущности сведений, формирующих секрет производства, установление четких критериев их охраноспособности, а также детальная проработка механизмов обеспечения их конфиденциальности. В случае невозможности четкой конкретизации оценочного понятия «разумные меры», представляется рациональным вернуться к единому способу обеспечения конфиденциальности секрета производства – введению режима коммерческой тайны.

Помимо решения теоретических проблем данные действия могли бы снизить риски в судебных спорах, в которых на данный момент существует проблема выявления и доказывания достаточности защиты ноу-хау. Также это могло бы способствовать стимулированию инноваций, сделав данный объект интеллектуальной собственности более четко регламентированным, и, как следствие – более предсказуемым и понятным.

Список источников

1. Большой экономический словарь: 19000 терминов / М. Ю. Агафонова, А. Н. Азрилиян, О. М. Азрилиян, и др.; Под ред. А. Н. Азрилияна. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: Ин-т новой экономики, 1997. – 859 с. ISBN 5-89378-001-9.
2. Потрашкова О.А. Правовой режим секретов производства (ноу-хау): Информационно-правовые аспекты: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / О.А. Потрашкова. – Москва, 2009. – 23 с.
3. Зенин И.А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды) / И.А. Зенин. – Москва: Статут, 2015. – 525 с. ISBN 978-5-8354-1095-8 (в пер.)
4. Амелина К.Е. Ноу-хау и патентная форма охраны: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / К.Е. Амелина. – Москва, 2007. С. 10–11. URL: <https://lawtheses.com/nou-hau-i-patentnaya-forma-ohranu> (дата обращения: 05.12.2024).

5. Антопольский А.А. Правовой режим коммерческой тайны: некоторые вопросы // Право и информатизация общества. 2002. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-kommercheskoy-tayny-nekotorye-voprosy> (дата обращения 05.12.2024).

6. Козлов Р.Ю. Соотношение понятий «секрет производства», «ноу-хау» и «коммерческая тайна» // Вестник магистратуры. 2015. №2-3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-sekret-proizvodstva-nou-hau-i-kommercheskaya-tayna> (дата обращения 05.12.2024).

7. Россол С. Секрет производства и коммерческая тайна // Корпоративный юрист. – 2007. – № 12. URL: <https://base.garant.ru/5484424/?ysclid=m8sronz1tw912535866> (дата обращения: 05.12.2024).

8. Алексеев В. Классификация объектов интеллектуальных прав по основания возникновения исключительного права // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2009. – № 1. С. 23–30.

9. Мирских И.Ю. К вопросу об использовании термина ноу-хау в России и за рубежом // Наука и современность. 2010. № 6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolzovanii-termina-nou-hau-v-rossii-i-za-rubezhom-1> (дата обращения 05.12.2024).

10. Яблокова И.В., Волков С.Д. Секрет производства (ноу-хау) как охраняемый результат интеллектуальной деятельности предпринимателей // Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekret-proizvodstva-nou-hau-kak-ohranyaemuuyezultat-intellektualnoy-deyatelnosti-predprinimateley> (дата обращения: 04.12.2024).

References

1. Large Economic Dictionary: 19,000 Terms / M. Yu. Agafonova, A. N. Azrilian, O. M. Azrilian, et al.; Edited by A. N. Azrilian. – 2nd ed., revised and expanded. – Moscow. *Institute of New Economics Publ.*, 1997. 859 p. ISBN 5-89378-001-9 (in Russ.).

2. Potrashkova O.A. Legal Regime of Trade Secrets (Know-How): Information and Legal Aspects: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. – Moscow, 2009. P. 7. 23 p. (in Russ.).

3. Zenin I.A. Problems of Russian Intellectual Property Law (Selected Works). Moscow. *Statut Publ.*, 2015. 525 p. ISBN 978-5-8354-1095-8 (hardcover) (in Russ.).

4. Amelina K.E. Know-How and Patent Protection: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2007. Pp. 10–

11. URL: <https://lawtheses.com/nou-hau-i-patentnaya-forma-ohrany> (date of access: 05.12.2024) (in Russ.).

5. Antopolsky A.A. Legal Regime of Commercial Secrets: Some Issues. *Law and Informatization of Society*. 2002. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-kommercheskoy-tayny-nekotorye-voprosy> (date of access: 05.12.2024) (in Russ.).

6. Kozlov R.Yu. The Relationship Between the Concepts of "Trade Secret," "Know-How," and "Commercial Secret". *Vestnik magistratury = Bulletin of the Magistracy*. 2015. No. 2-3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-sekret-proizvodstva-nou-hau-i-kommercheskaya-tayna> (date of access: 05.12.2024) (in Russ.).

7. Rossol S. Trade Secrets and Commercial Secrets. *Korporativnyj yurist = Corporate Lawyer*. 2007. No. 12. URL: <https://base.garant.ru/5484424/?ysclid=m8sronz1tw912535866> (date of access: 05.12.2024) (in Russ.).

8. Alekseev V. Classification of Intellectual Property Objects Based on the Grounds for the Emergence of Exclusive Rights. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' = Intellectual Property. Industrial Property*. 2009. No. 1. P. 23 (in Russ.).

9. Mirskikh I.Yu. On the Use of the Term "Know-How" in Russia and Abroad. *Nauka i sovremennost' = Science and Modernity*. 2010. No. 6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolzovanii-termina-nou-hau-v-rossii-i-za-rubezhom-1> (date of access: 05.12.2024) (in Russ.).

10. Yablokova I.V., Volkov S.D. Trade Secrets (Know-How) as a Protected Result of Intellectual Activity of Entrepreneurs. *Ekonomika i ekologicheskij menedzhment = Economics and Environmental Management*. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekret-proizvodstva-nou-hau-kak-ohranyaemyy-rezultat-intellektualnoy-deyatelnosti-predprinimateley> (date of access: 04.12.2024) (in Russ.).

Статья поступила 26.03.2025, принята к публикации: 28.03.2025.

© Матерова В.Д., 2025

Научная статья

УДК: 347.77; 347.948.2

Позиция Кассационного суда Армении в делах, связанных с патентами

Олег Витальевич Ревинский,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Кандидат юридических наук, профессор кафедры Патентного права и
правовой охраны средств индивидуализации

o_revinski@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2566-8958>

Аннотация. В статье рассматриваются обоснования Кассационного суда Армении, использованные судами в делах, связанных с патентами. Подробно анализируются три судебных дела по патентам на промышленные образцы.

Ключевые слова: судебные дела, Кассационный суд Армении, патенты, промышленные образцы.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Совершенствование судебной защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации и ее гармонизация с аналогичными системами стран-участниц ЕАЭС» (3-ГЗ-2023).

Для цитирования: Ревинский О.В. Позиция Кассационного суда Армении в делах, связанных с патентами // IP: теория и практика. 2025. № 1 (9).

Original article

Position of the Cassation Court of Armenia in Patent Cases

Oleg V. Revinskiy,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Professor of the Department of Patent Law and Legal protection of means of individualization, PhD in Law

o_revinski@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2566-8958>

Abstract. The article considers with foundations of the Cassational Court of Armenia used by courts in the causes related to patents. Specifically, three legal causes on patents for designs are discussed.

Key words: legal causes, Cassational Court of Armenia, patents, designs.

Funding: The study was carried out within the framework of the research project “Improving the judicial protection of intellectual rights in the Russian Federation and its harmonization with similar systems of the EAEU member states” (3-GZ-2023).

For citation: Revinskiy O.V. Position of the Cassation Court of Armenia in Patent Cases // IP: theory and practice 2024. No. 1 (9).

Введение

В предыдущей статье автора [1] рассмотрены судебные решения по отдельным делам, связанным с патентами. В частности, сопоставлены некоторые нормы, касающиеся судебной экспертизы, в Республике Армения (далее – РА, Армения) и в Российской Федерации (далее – РФ, Россия). К сожалению, малочисленность связанных с патентами судебных дел в Армении не позволила сделать какие-либо обобщающие выводы. Однако, как отмечено в Заключении указанной статьи, в некоторых из упомянутых судебных дел приведены развернутые ссылки на решения Кассационного суда РА, анализ которых представляет несомненный интерес. Настоящая статья посвящена анализу именно таких решений.

Методы

В процессе исследования были использованы методы научного анализа и синтеза материала.

Основное исследование

Отметим для начала, что все приводимые ниже сведения со ссылками на конкретные судебные дела взяты с сайта судебной информационной системы РА [2], на котором размещены правовые акты РА и сведения о судебных актах. Как уже было отмечено в предыдущей статье автора [1], в этой базе данных количество судебных дел, релевантных для темы настоящей статьи, невелико.

Еще меньше дел, в решениях которых есть упоминание позиции Кассационного суда РА. Поэтому ниже рассмотрены три таких решения¹.

Во всех трех рассматриваемых далее делах истцом выступал один и тот же предприниматель Ашот Григорян. По двум из этих дел судебные решения были вынесены почти одновременно.

В деле № ЕАQT/3272/02/14 истец требовал запретить ответчику (Егише Нерсисяну) использование, производство и продажу сувенирного промышленного образца в рамке в виде открытой книги. И истец, и ответчик получили в свое время патенты РА на промышленный образец, выданные Агентством интеллектуальной собственности Министерства экономического развития и инвестиций РА (далее – АИС РА). АИС РА в качестве третьего лица в этом деле пояснило, что оба патента были выданы на разные объекты на основании решений экспертизы.

В одновременно рассматриваемом деле № VD/6053/05/14 истец подал иск в суд против АИС РА, при участии третьего лица Е. Нерсисяна (ответчика в деле № ЕАQT/3272/02/14), с требованием о признании недействительной регистрации промышленного образца этого третьего лица.

В решении от 03.05.2017 по делу № ЕАQT/3272/02/14 суд первой инстанции установил, что исключительные права как истца, так и ответчика на свои промышленные образцы подлежат защите, поскольку они были признаны государственным органом с регистрацией и взяты под правовую охрану, а факт регистрации таких прав зафиксирован в выданном каждому патенте (свидетельстве), поэтому использование ответчиком четырех вариантов промышленных образцов, зарегистрированных на его имя, является полностью законным.

Далее суд первой инстанции сослался на решения Кассационного суда РА, который неоднократно затрагивал вопрос о правомерности

¹ Выдержки из текстов этих решений (не выделенные в тексте настоящей статьи) взяты с вышеуказанного сайта и являются машинным переводом с армянского.

административного акта, отмечая, что в отсутствие требования о проверке правомерности административного акта, по своей инициативе обращаясь к вопросу правомерности административного акта и исключая возможность возникновения его правовых последствий, суд выходит за рамки иска. Каждый обязан исходить из того, что административный акт был принят в рамках полномочий административного органа, установленных Конституцией и законами РА, и он подлежит исполнению (2068/05/08 решение гражданско-административной палаты Кассационного суда РА от 27.05.2009 по административному делу).

Поскольку оба патента на момент рассмотрения не были признаны недействительными и не были аннулированы, то, применяя вышеуказанные правовые позиции Кассационного суда РА к фактам, установленным настоящим делом, суд констатирует, что суд не правомочен рассматривать вопрос о правомерности администрирования, осуществленного АИС РА в отношении промышленных образцов, выходя за рамки иска, особенно когда такое требование выходит за рамки предметной юрисдикции суда общей юрисдикции. Следовательно, основываясь на всех имеющихся в деле доказательствах, в том числе презумпции правомерности этого патента/свидетельства и принципа «защиты доверия» их правообладателей, суд пришел к выводу, что истец, как и любое другое лицо и государственный орган, не может подвергать сомнению свидетельство о происхождении признанных исключительных прав ответчика на промышленный образец и государственную регистрацию прав на него.

В таких обстоятельствах суд, никоим образом не исключая возможности возникновения правовых последствий вышеуказанных административных актов, а, напротив, твердо основываясь на их правовых последствиях и презумпции правомерности, а также учитывая, что в рамках этого спора вопрос об их правомерности не может быть решен (в настоящее время этот спор рассматривается в административном суде, дело 6053/05/14), суд пришел к выводу, что при таких фактических обстоятельствах ответчик объективно не

может понести негативных последствий в отношении четырех промышленных образцов до тех пор, пока государственная регистрация права, осуществленная АИС РА в отношении его исключительных прав на промышленный образец, в установленном порядке не была признана незаконной, не была отменена, не утратила силу и на данный момент является законной и действует.

Основываясь на вышеупомянутом правовом анализе, суд пришел к выводу, что правообладатель, обладающий исключительными правами на промышленный образец в силу патента, не может запретить другому правообладателю, обладающему исключительными правами на промышленный образец в силу свидетельства, использовать (производить и продавать) этот промышленный образец.

Суд указал, что истец должен доказать факт использования ответчиком промышленного образца по патенту истца, и в случае оспаривания наличия или отсутствия факта, имеющего существенное значение для разрешения дела, его негативные последствия несет сторона, отвечающая за доказательство этого факта (см. Постановление гражданской и административной палаты Кассационного суда РА от 13.02.2009 № EAND/0479/02/08).

Кассационный суд РА ранее вынесенным решением констатировал, что заключение суда о наличии или отсутствии того или иного обстоятельства должно быть логическим следствием всестороннего, полного и объективного исследования доказательств, полученных по делу, с учетом их совокупности и взаимной связи, применимого права и внутреннего убеждения (аналогичная позиция была выражена Кассационным судом РА в решении, принятом 01.07.2011).

Кассационный суд РА констатировал, что в случае всестороннего, полного и объективного изучения каждого доказательства суд должен учитывать, насколько это доказательство применимо и допустимо для подтверждения или отклонения данного фактического обстоятельства (аналогичную позицию выразил Кассационный суд РА в деле № ЕМТ/0232/02/08 в соответствии с решением, принятым по делу 17.04.2009).

В результате оценки фактов, установленных в результате исследования имеющихся в деле доказательств, суд первой инстанции пришел к выводу, что в деле не были обоснованы аргументы истца о том, что ответчик использует, т.е. производит и продает принадлежащий истцу сувенирный промышленный образец, а, значит, ответчик не нарушил никаких прав истца.

В другом деле (VD/6053/05/14) истец (А. Григорян) отмечал, что патент, выданный АИС РА (т.е. ответчиком по этому делу) Е. Нерсисяну (т.е. третьему лицу в этом деле), имеет всего два отличия, которые нельзя считать существенными, от промышленного образца, заявленного ранее истцом. Далее имеет смысл привести обоснования истца.

Согласно п. 2 ст. 23 Закона РА «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах», промышленный образец является оригинальным, если общее впечатление, которое он производит на информированного потребителя, отличается от общего впечатления, произведенного на такого потребителя любым другим промышленным образцом, который стал общедоступным до даты подачи заявки, или если испрашивается приоритет, то до даты приоритета.

Согласно п. 3 той же статьи, при оценке оригинальности промышленного образца учитывается степень свободы дизайнера при его создании.

Согласно Порядку оформления, представления и рассмотрения заявки на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, промышленный образец не соответствует условию оригинальности, если при создании данного промышленного образца степень свободы его автора была достаточно ограничена другим промышленным образцом, который стал общедоступным.

Истец также отметил, что промышленный образец, заявленный Е. Нерсисяном, не только не соответствует критерию новизны, но и критерию оригинальности, а потому ответчик (АИС РА) должен был отклонить заявку Е. Нерсисяна.

В ответ на это Е. Нерсисян указал, что истец уже четыре года выступает с такими требованиями против него, потому что, по мнению истца, именно истцу принадлежит идея того изделия, на внешний вид которого ответчиком (АИС РА) выдан патент Е. Нерсисяну.

Административный суд Республики Армения в своем решении по делу № VD/6053/05/14 от 19.05.2017 отметил, что «решение АИС РА о регистрации промышленного образца на имя Е. Нерсисяна, по оценке Суда, является административным актом.

В соответствии со ст. 63 Закона РА «Об основах администрирования и административном производстве» (далее – Закон РА об основах администрирования) недействительным является тот неправомерный административный акт, который был принят:

а) с нарушением закона, в том числе в результате неправильного применения или неправильного толкования закона;

б) на основании поддельных документов или информации, или если из представленных документов очевидно, что, по существу, должно было быть принято другое решение».

Приведя в обоснование своего мнения множество норм права как Армении, так и международного права (рассмотрение которых заслуживает отдельной статьи. – *Прим. автора*), Административный суд РА отклонил иск А. Григоряна к АИС РА. Кроме того, в своем решении суд сослался на решение Кассационного суда РА при определении размеров гонораров представителей участников судебного разбирательства и почтовых расходов участников судебного разбирательства.

Кассационным судом РА в решении по делу № ЕСПЧ/1587/02/10, принятом 29.06.2012, были указаны основные критерии, с помощью которых можно оценить разумность размера представительских взносов, в частности:

1) объем проделанной адвокатом работы (необходимость сбора и представления доказательств и фактическое выполнение этих действий, степень участия в рассмотрении дела),

2) сложность дела (характер спорного правоотношения, продолжительность рассмотрения дела),

3) размер суммы, уплачиваемой за оказание юридической услуги, принятой в практике по аналогичным делам,

4) соотношение суммы, взыскиваемой судебным актом, и размера требуемого гонорара адвоката.

С учетом всех обстоятельств дела Административный суд РА постановил взыскать с истца в пользу третьего лица сумму в 200 000 драмов (примерно 17 000 рублей по действовавшему в то время курсу. – *Прим. автора*) в качестве разумной компенсации для выплаты представителю.

Интересно, что Апелляционный административный суд РА, сделав предметом судебного надзора решение АИС РА по патенту третьего лица (Е. Нерсисяна), пришел к обескураживающему выводу о том, что патент третьего лица выдан на объект, об оригинальности которого не может быть и речи по сравнению с патентом истца (А. Григоряна). Как отмечено в тексте, взятом с вышеуказанного сайта: «В данном случае образцы, являющиеся предметом рассмотрения, зарегистрированные в силу обоих свидетельств, производят одинаковое идейное впечатление, следовательно, тот факт, что данные промышленные образцы идентичны и не имеют оригинальности, очевиден с учетом того, что невооруженным глазом невозможно различить их существенные характеристики».

На основании этого А. Григорян обратился в Пятый Апелляционный административный суд Армении, который по административному делу № РА/6053/05/14 принял решение от 22.06.2018, вступившее в законную силу 03.10.2018. Этим решением иск Ашота Григоряна был удовлетворен, и АИС РА признало недействительной регистрацию промышленного образца на имя Е. Нерсисяна.

В этой связи возникло третье из отмеченных выше дел, инициированных А. Григоряном – дело № ВД/1201/05/20, рассмотренное тем же Административным судом РА, что и предыдущее. Истец просил обязать АИС

РА принять административный акт о предоставлении ему компенсации в размере 2 000 000 драмов за моральный ущерб, причиненный в результате неправомерного администрирования, и 240 000 драмов за причиненный материальный ущерб. Истец обосновывал свои претензии тем, что выдача патента Е. Нерсисяну и лицензии по его патенту «неправомерным образом нарушила два основных конвенционных права человека: уважение личной и семейной жизни и право собственности. Истец не смог реализовать результаты интеллектуальной деятельности в том же объеме, что и до нарушения своих прав. Более того, он был вынужден защищать свои права в судебном порядке около четырех лет, что привело к дополнительному материальному ущербу».

Административный суд РА в обоснование своего решения привел многочисленные ссылки на законодательные нормы, а также на решения Кассационного суда РА. В последней отсылке говорится следующее: «Кассационный суд РА в принятом решении по административному делу № VD/1761/05/14 от 26.12.2016 коснулся правового вопроса о том, является ли само по себе обстоятельство подтверждения неправомерности действий административного органа достаточным для возмещения причиненного материального ущерба, и выразил следующую правовую позицию. Кассационный суд РА, касаясь вопроса о возмещении ущерба, причиненного в результате неправомерного администрирования, в своем предыдущем решении отметил, что по требованию о возмещении ущерба, причиненного в результате администрирования, необходимо, в первую очередь, чтобы правовой акт, действие или бездействие административного органа, причинившего ущерб лицу, были признаны неправомерными, только после чего лицо обязано сначала обратиться в административный орган, причинивший ущерб, и, в случае полного или частичного отклонения требования о возмещении, обжаловать действие или бездействие этого административного органа в вышестоящем органе или в судебном порядке (см. решение по административному делу Кассационного суда РА № VD/3280/05/09 от 03.12.2010).

Законом РА об основах администрирования установлены условия предъявления требования о возмещении ущерба, причиненного в результате администрирования.

- осуществлено неправомерное (а в случаях, предусмотренных тем же законом, и законное) администрирование,
- причинен ущерб,
- существует причинно-следственная связь между введенным администрированием и причиненным ущербом.

Что касается вины лица, осуществившего администрирование, то кассационный суд считает необходимым отметить, что, исходя из характера функций лица, осуществляющего администрирование, в случае возмещения ущерба, причиненного лицу в результате осуществленного властного действия, вина лица, осуществившего администрирование, предполагается».

Другими словами, признание администрирования неправомерным еще не означает, что лицо понесло ущерб в результате самого администрирования; таким образом, условия ответственности государства в результате неправомерного администрирования заключаются в наличии ущерба и его причинении в результате неправомерного администрирования. Вопрос о причинно-следственной связи должен быть предметом отдельной оценки в каждом конкретном случае, и идея о том, что о наличии причинно-следственной связи можно говорить только в том случае, если причинение ущерба является неизбежным и непосредственным результатом неправомерного администрирования, должна рассматриваться как ключевая. Следовательно, причинно-следственная связь между неправомерным администрированием и причиненным ущербом может существовать. Если негативные последствия могли возникнуть и без неправомерного администрирования (а в случаях, предусмотренных законом, и без правомерного администрирования), то причинно-следственная связь между ними отсутствует.

На основании вышеизложенного кассационный суд приходит к выводу, что отсутствие хотя бы одного из указанных условий исключает возможность удовлетворения требования о возмещении ущерба.

В результате правового анализа вышеуказанных статей Закона РА об основах администрирования Кассационный суд РА констатирует, что способами возмещения ущерба, причиненного администрированием, являются устранение последствий и возмещение денежными средствами, при этом из ч. 1 ст. 99 того же закона следует, что возмещение денежными средствами применяется только субсидиарно, т.е. во всех тех случаях, когда устранение последствий невозможно или недостаточно, или для устранения последствий необходимы более высокие затраты, чем причиненный имущественный ущерб. Право на требование об устранении последствий налагает на государство обязательство устранить фактическое положение, изменившееся неправомерным образом в ущерб лицу, или восстановить прежнее положение, или, по крайней мере, создать эквивалентное ему положение. Только в том случае, если это невозможно или неэффективно, государство может возместить ущерб денежными средствами.

Размер возмещения определяется из разницы между имущественным положением лица, понесшего ущерб, существовавшим на момент нарушения, и имущественным положением, которое возникло бы, если бы административный орган не осуществил администрирование.

Таким образом, Кассационный суд РА приходит к выводу, что в целом условием возмещения ущерба, причиненного административным путем, является неправомерность правового акта, действия или бездействия административного органа и причинно-следственная связь между ними и причиненным ущербом, а условием возмещения денежными средствами также является невозможность или неэффективность восстановления прежнего положения или, по крайней мере, создания эквивалентного положения, т.е., если устранение последствий, вызванных администрированием, невозможно

или недостаточно, или для устранения последствий необходимы более высокие затраты.

Следовательно, административный орган или суд, рассматривающий требование о возмещении ущерба, в первую очередь обязаны выяснить, существуют ли все вышеуказанные условия, что позволит точно определить размер причиненного ущерба, способы возмещения и другие важные обстоятельства для осуществления возмещения ущерба.

После этого Административный суд РА, рассматривая законность требования истца о возмещении морального вреда, вновь сослался на решения кассационного суда:

«Кассационный суд РА в принятом решении по гражданскому делу № ЕКВ/3296/02/14 от 27.12.2017 затронул в частности, правовой вопрос возмещения морального вреда, в частности, и зафиксировал следующее. В Республике Армения предусмотрена возможность возмещения морального вреда только при соблюдении определенных условий, установленных вышеуказанными статьями Гражданского кодекса РА (части 1 и 2 ст. 162.1 и части 1, 2 и 5–7 ст. 1087.2 – *Прим. автора*), с учетом ограничений, установленных теми же статьями, анализ которых сводится к следующему: Вопрос об обосновании наличия физических или психических страданий Кассационный суд РА считает необходимым рассмотреть в свете правовых позиций Европейского суда.

В свете правовых позиций, выраженных Европейским судом, кассационный суд констатирует, что для подтверждения страдания, которое является основанием для возмещения морального вреда, в частности психического страдания, необходимо учитывать тот факт, что прямые доказательства (например, медицинские документы, заключение эксперта) для подтверждения такого страдания могут быть представлены, а могут и не быть представлены. Наличие страдания может быть подтверждено любыми доказательствами, в том числе показаниями стороны, ее родственников. Следовательно, любые доказательства, которые могут свидетельствовать о

наличии психических расстройств (например, условия содержания задержанного, продолжительность, индивидуальные характеристики человека, такие как раздражительность, инспирация и т.д.), должны быть оценены судом.

Кассационный суд констатирует, что Гражданским кодексом РА установлены максимальные размеры компенсации морального вреда, которые могут быть превышены в исключительных случаях, если в результате причиненного ущерба возникли серьезные последствия (например, тяжкий вред здоровью). Размер компенсации морального вреда определяется судом в соответствии с принципами разумности, справедливости и соразмерности, с учетом характера, степени и продолжительности физических или психических страданий, последствий причиненного ущерба, наличия вины при причинении ущерба. При определении размера ущерба суды должны учитывать, что возмещение морального вреда не должно быть направлено на «обогащение» потерпевшей стороны, имея в виду запрет на злоупотребление правами, предусмотренный ст. 12 Гражданского кодекса РА, что суды должны обладать гибкостью при определении размера возмещения морального вреда, в частности, учитывая, что по своему характеру моральный вред не подлежит исчислению или четкой количественной оценке. Кассационный суд подчеркивает, что при определении размера морального вреда суды должны руководствоваться принципами разумности, справедливости и соразмерности, принимая во внимание все обстоятельства дела, включая аргументы как истца, так и ответчика.

Конституционный суд РА в решении № SDO-1121 от 05.11.2013, касающемся вопроса о необходимости гарантированной реализации права на возмещение морального вреда, причиненного неправомерными действиями или бездействием государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, выразил правовую позицию о том, что моральный ущерб и возможность материального возмещения морального вреда вытекают из конституционно-правовых подходов, принятых в вопросе

защиты прав человека. В случае незаконного лишения свободы или незаконного обыска вред, причиненный лицу, не может быть механически сведен к простой компенсации физического или материального ущерба, поскольку в данном случае компенсация, предоставленная пострадавшему лицу, не будет эквивалентна психическим страданиям, перенесенным последним.

В то же время, исходя из необходимости защиты прав и свобод человека и обусловленной этим необходимостью обеспечения полноты нормативных актов, касающихся института морального вреда, Конституционный суд РА пришел к выводу, что общие критерии и порядок материальной компенсации морального вреда должны быть четко закреплены в законодательстве, чтобы гарантировать разумное и справедливое возмещение морального вреда, причиненного лицу, в соответствующих случаях и порядке; должно быть обеспечено эффективное осуществление прав и свобод человека, гарантированных Конституцией РА, и это не должно препятствовать добросовестному выполнению Республикой Армения взятых на себя международных обязательств.

Конституционный суд РА, в решении № SDO-1383 от 07.11.2017, касающемся конституционно-правового содержания права на возмещение морального вреда, причиненного лицам в результате неправомерного управления органами публичной власти, выразил правовую позицию о том, что при правовом регулировании отношений, связанных с ущербом (имущественного и неимущественного характера), причиненным лицам, которые обусловлены деятельностью органов публичной власти, первоочередной основой должны быть приняты во внимание содержание права на возмещение такого ущерба, гарантированного ст. 62 Конституции РА, и общие правовые принципы его реализации и защиты, в частности: лицо имеет право на возмещение ущерба, причиненного неправомерными действиями или бездействием государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, а в случаях, установленных законом,

также правомерным администрированием; условия и порядок возмещения ущерба устанавливаются законом; лица имеют право обжаловать административные акты с целью защиты своих прав; административный акт может быть обжалован в административном или судебном порядке.

Согласно Конституционному суду РА, законодатель предусмотрел предварительное условие для требования возмещения ущерба, причиненного неправомерным администрированием, а именно признание неправомерным правового акта, действия или бездействия административного органа, за которым, согласно правовым регулированиям ст. 100 Закона РА «Об основах администрирования и административном производстве», может последовать предъявление требования о возмещении органу, причинившему ущерб в результате администрирования. Конституционный суд РА пришел к выводу, что такое нормативное условие преследует обоснованную правовую цель и направлено на создание благоприятных правовых условий (предпосылок) для реализации гарантированного Конституцией РА права на возмещение причиненного ущерба (в административном или судебном порядке)».

В результате подробного сопоставления правовой позиции, выраженной решениями Кассационного суда РА, и фактов по данному делу, Административный суд РА пришел к выводу, что в данном случае истец не мог ожидать возмещения материального ущерба в части судебных расходов по административному делу № VD/6053/05/14 (второе из рассмотренных выше дел. – *Прим. автора*), поскольку судебные расходы, понесенные одной стороной, не могут рассматриваться как ущерб, причиненный ею другой, проигравшей стороной, и, кроме того, распределение судебных расходов в административном порядке может осуществляться исключительно в рамках конкретного дела, а по завершении рассмотрения дела сторона лишается возможности требовать таких расходов в рамках другого дела в порядке административного судопроизводства. Поэтому суд отказал истцу в части возмещения материального ущерба. Но за причинение морального вреда суд

обязал АИС РА компенсировать истцу моральный вред, причиненный выдачей патента и лицензии третьей стороне.

Заключение

Представляется, что рассмотренные решения Кассационного суда РА могут оказаться полезными для тех, кто интересуется правовыми нормами зарубежных стран.

Список источников

1. Ревинский О.В. Судебная практика в Армении, связанная с нарушением прав на объекты патентного права и товарные знаки // *IP: теория и практика*. 2024. № 2(6). – С. 19–27 // URL: <https://iptp.rgiis.ru/index.php/IPTP/issue/view/11> (дата обращения 05.03.2025).
2. DataLex: Judiciary portal. URL: <https://datalex.am/?app=AppHome&page=default> (дата обращения 06.03.2025).

References

1. Revinskiy O.V. Practice Cases in Armenia related to infringement of rights for items of patent rights and trademarks. *IP: teoriya i praktika = IP: Theory and Practice*. 2024. No. 2(6). – P. 19–27. URL: <https://iptp.rgiis.ru/index.php/IPTP/issue/view/11> (date of access: 05.03.2025) (in Russ.).
2. DataLex: Judiciary portal. URL: <https://datalex.am/?app=AppHome&page=default> (date of access: 06.03.2025).

Статья поступила 13.03.2025, принята к публикации: 27.03.2025.

© Ревинский О.В., 2025

Научная статья

УДК 336

**Финансовые корпорации и цифровые финансовые инструменты
в сегменте венчурных инвестиций: проблемы и перспективы**

Сергей Сергеевич Ипполитов¹,

Антон Анатольевич Ищенко²,

Альфия Харисовна Трофимова³

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности

Доктор исторических наук, зам. директора Международного центра компетенций «АйПи»

<https://orcid.org/0000-0003-3564-4271>

nivestnik@yandex.ru

² Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов (ВОИР)

Кандидат экономических наук, генеральный директор

ishchenko@ros-voir.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0983-1997>

³ Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП)

Зав. центром исследований в области управления интеллектуальной собственностью

Кандидат юридических наук

alfiya_t@list.ru

^{1,2,3} Москва, Россия

Аннотация. Авторы исследуют современное состояние венчурного рынка в России и мире в сегменте финансовых корпораций относительно оказываемой поддержки высокотехнологичным стартапам. Констатируется, что поддержание и успешное развитие высокотехнологичных стартапов зависит как от государства, которое должно оперативно обеспечить венчурному бизнесу комфортную правовую и фискальную среду, так и от участия корпоративного бизнеса, в чьих интересах создание эффективной инновационной инфраструктуры. Анализируются современные блокчейн-технологии, цифровые финансовые активы, NFT и финансовые платформы в

части их возможностей для развития венчурного рынка и правовых аспектов применения. Приводятся примеры взаимодействия финансовых корпораций со стартапами, отдельное внимание уделяется анализу функционала и потенциала использования платформы Сбербанка SberUnity и блокчейн-проектов компании «Мастерчейн». Определены некоторые барьеры, препятствующие уверенному развитию венчурного рынка, даны предложения по их преодолению. В статье приводятся авторские определения корпорации, квазикорпорации и финансовой корпорации.

Ключевые слова: инновационная активность, финтех-стартапы, венчур, стартап, инновации, финансовая корпорация, Сбербанк, блокчейн, NFT, цифровые финансовые активы, SberUnity, «Мастерчейн».

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Творческие (креативные) индустрии (по видам) как социально-экономический сегмент в государствах-членах ЕАЭС: состояние и перспективы» (2-ГЗ-2023).

Для цитирования: Ипполитов С.С. Финансовые корпорации и цифровые финансовые инструменты в сегменте венчурных инвестиций: проблемы и перспективы / С.С. Ипполитов, А.А. Ищенко, А.Х. Трофимова // IP: теория и практика. 2025. № 1 (9).

Original article

Financial corporations and digital financial instruments in the venture capital investment segment: problems and prospects

Sergey S. Ippolitov¹,

¹Russian State Academy of Intellectual Property,

Doctor of Historical Sciences

<https://orcid.org/0000-0003-3564-4271>

nivestnik@yandex.ru

Anton A. Ishchenko²,

² PhD of Economic Sciences, General Director

All-Russian Society of Inventors and Innovators (VOIR),

ishchenko@ros-voir.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0983-1997>

Alfiya Kh. Trofimova³,

³ PhD in Law, Head of the Center for Research in the Field of Intellectual Property Management

Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in the Scientific and Technical Sphere (RIEPP)

alfiya_t@list.ru

^{1, 2, 3} Moscow, Russia

Abstract. The article examines the current state of the venture capital market in Russia and the world in the segment of financial corporations in the context of support for high-tech startups. It is stated that the maintenance and successful development of high-tech startups depends both on the state, which must promptly provide the venture business with a comfortable legal and fiscal environment, and on the participation of corporate business, in whose interests it is to create an effective innovation infrastructure. Modern blockchain technologies, digital financial assets, NFT and financial platforms are analyzed in terms of their capabilities for the development of the venture market and legal aspects of their application. Examples of interaction between financial corporations and startups are given, special attention is paid to the analysis of the functionality and potential of using the Sber SberUnity platform and the blockchain projects of the Masterchain company. Some barriers preventing the confident development of the venture capital market have been identified, and proposals have been made for

Key words: innovative activity, fintech startups, venture, startup, innovation, financial corporation, Sberbank, blockchain, NFT, digital financial assets, SberUnity, Masterchain.

Funding: The study was carried out within the framework of the research project “Creative industries (by type) as a socio-economic segment in the EAEU member states: status and prospects” (2-GZ-2023).

For citation: Ippolitov S.S., Ishchenko A.A., Trofimova A.Kh. Financial corporations and digital financial instruments in the venture investment segment: problems and prospects // IP: theory and practice. 2025. No. 1 (9).

Введение

Формирование инфраструктуры сегмента венчурных инвестиций является важнейшим элементом инновационной политики государства. Лидирующие инновационно активные государства добились значительных успехов, извлекая из венчурного рынка весомый экономический эффект, выражающийся в стабильном росте валового внутреннего продукта и

освоении глобальных рынков. Большой вклад как в развитие инноваций, формирование спроса на инновации, так и в создание современных венчурных механизмов вносят крупнейшие финансовые корпорации и группы.

При этом, если со стороны государства крупный бизнес ждет разработки и быстрого внедрения нормативно-правовой базы, которая надежно регулирует инновационные процессы в экономике, корпоративная активность в этом направлении сосредоточена на выработке действенного венчурного инструментария, который должен обеспечивать финансирование и логистику стартапов.

Самые различные аспекты создания, развития и деятельности высокотехнологичных стартапов достаточно широко представлены в исследованиях зарубежных авторов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. В монографиях Бреда Фелда, Брента Купера, Кэтрин Кэтлин, Уильяма Дрейпера и многих других ученых на обширной исследовательской базе изучаются наиболее типичные пути создания и поддержки стартапов. Значительное внимание этими исследователями уделяется взаимодействию с клиентами и потенциальными инвесторами; разбору типичных ошибок начинающих предпринимателей; маркетинговым стратегиям и другим, без сомнения, крайне важным вопросам. Однако проблемы создания нормативной, финансовой, технологической инфраструктуры венчурного бизнеса затронуты в этих исследованиях фрагментарно.

Исследовательская активность отечественных ученых в этом направлении сосредоточена, главным образом, на создании учебно-методической литературы [8; 9; 10; 11; 12]. Вопросы корпоративной и государственной венчурной инфраструктуры пока остаются вне поля зрения российской специализированной литературы. Досадным минусом отечественных исследований является также некоторая «вторичность»: многие из них представляют собой компилятивные труды, основанные на переводах иностранных авторов.

Более оптимистичная ситуация складывается в области журнальных публикаций отечественных ученых. Научная публицистика по заданной проблематике за последние пять-шесть лет демонстрирует значительный рост количества статей, в которых углубленно изучаются инфраструктурные проблемы становления и развития венчурного бизнеса в стране [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19].

Целью настоящей статьи стала попытка исследовать современное положение отечественной венчурной активности финансовых корпораций в контексте поддержки высокотехнологичных стартапов на конкретных примерах. Также авторы попытались оценить роль блокчейн-технологий, цифровых площадок и цифровых финансовых активов в становлении и развитии инфраструктуры высокотехнологичных стартапов, выявить основные проблемы, препятствующие развитию сегмента венчурных инвестиций и дать предложения по их разрешению.

Определение корпорации до конца не сформировалось в современной российской экономической науке. Так, в соответствии со ст. 65.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) корпорациями (или корпоративными юридическими лицами) считаются юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с п. 1 ст. 65.3 ГК РФ. К ним относятся хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Большая российская энциклопедия трактует корпорацию как форму организации бизнеса в условиях рыночной экономики, основанную на долевой собственности, корпорация характеризуется разделением функций.

При этом Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (с изменениями и дополнениями) в статье 7.1 дает трактовку государственной корпорации, которой признается «не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная корпорация создается на основании федерального закона». Такой подход существенно отличается как по форме участия – членству, так и по целям создания – бизнес или выполнение общественно полезных функций.

В юридической литературе продолжаются дискуссии о правовой природе корпоративных отношений, методе их правового регулирования, способах защиты прав и законных интересов их участников, составе и юридических признаках основных институтов корпоративного права [20]. Над проблемой теории и практики корпоративных отношений трудились В.А. Белов, А.А. Данельян, А.Б. Козырева, В.Б. Исаков, М.В. Карасева, Е.А. Суханов, О.А. Макарова, И.А. Еремичев, Е.А. Павлов, А.В. Яковлев, Т.В. Кашанина, В.В. Долинская, С.Д. Могилевский, И.А. Самойлова, С.Ю. Каплин и многие другие отечественные юристы и экономисты. Терминология находится в стадии формирования.

В целях настоящего исследования наиболее полно термин «корпорация» можно описать следующим определением:

Корпорация – юридическое лицо (группа юридических лиц, связанных между собой одними учредителями, или специальным соглашением, реализующие общий бизнес или некоммерческий проект), учредители (участники) которого обладают правом участия (членства) в нем и формируют его высший орган.

Квазикорпорация – сравнительно крупное юридическое лицо (группа юридических лиц), воспринимаемое и функционирующее как корпорация, но не имеющее всех признаков корпорации, установленных национальным законодательством. Квазикорпорацией можно считать группу юридических

лиц, у которых общие учредители или соглашение, реализующих общий бизнес или некоммерческий проект, но не создавших отдельного единого юридического лица. В России квазикорпорацией можно назвать Центральный банк или государственные корпорации, несмотря на унитарную форму их организации.

Под финансовой корпорацией будем понимать корпорацию (квазикорпорацию), основной функцией которой является оказание услуг финансового посредничества или вспомогательная финансовая деятельность.

В Системе национальных счетов (СНС-2008), которую применяет в своей методологии и Росстат¹, сектор финансовых корпораций подразделяется на следующие подсектора:

- Центральный банк;
- корпорации, принимающие депозиты, кроме Центрального банка;
- фонды денежного рынка;
- инвестиционные фонды неденежного рынка;
- другие финансовые посредники, кроме страховых корпораций и пенсионных фондов;
- вспомогательные финансовые корпорации;
- кэптивные финансовые учреждения и ростовщики;
- страховые корпорации;
- пенсионные фонды.

Основное исследование

Международные финансовые корпорации и финтех-стартапы. По всему миру глобальные финансовые корпорации демонстрируют свои амбиции в развитии технологий, вовлекая в свой периметр все новые и новые стартапы. Например, компания Mastercard в 2014 г. запустила программу Start Path Open Banking, через которую прошли более 300 стартапов. В июне 2022

¹ URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm.

г. было объявлено², что очередные пять открытых банковских стартапов присоединились к новой программе, чтобы получить доступ к ресурсам, опыту и инструментам для роста платежной системы. В их число вошли:

- Darī (Объединенные Арабские Эмираты) – открытый банковский платежный API, который предоставляет возможность осуществлять платежи между счетами и создавать инструменты для корпоративных платежных операций;

- Finantier (Индонезия) – платформа открытых финансов, обеспечивающая техническую инфраструктуру для расширения доступа к финансовым услугам и предоставляющая цифровые и финансовые услуги следующего поколения по всей Юго-Восточной Азии;

- mтов (Великобритания) легко интегрирует сторонние продукты в финансовую экосистему с помощью собственного инструмента без кодирования;

- Mono (Нигерия) позволяет компаниям в Африке получать доступ к финансовым данным и обрабатывать прямые банковские платежи;

- Paywallet (США) помогает кредиторам и другим поставщикам финансовых услуг повысить надежность платежей, позволяя осуществлять выплаты непосредственно из заработной платы и принимая решения об андеррайтинге на основе точных идентификационных данных, данных о занятости и заработной плате.

Анализируя ситуацию в Китае, который всегда характеризовался как страна промышленного производства, А.Е. Кукулинская и И.Л. Юрзинова в своей статье [21] делают вывод о возрастающей роли финансовых инноваций в экономике страны.

Например, корпорация Ant Financial – ведущая китайская инновационная компания в области финансовых технологий создала

² URL: <https://www.mastercard.com/news/press/2022/june/mastercard-empowers-open-banking-startups-to-scale-and-expand-consumer-choice/>.

платежную систему Alipay, ставшую одним из «четырёх новых изобретений» вместе с высокоскоростной железной дорогой, интернет-шоппингом и велошерингом. Новые четыре изобретения сейчас, так же как ранее четыре великих изобретения древнего Китая – компас, порох, бумага и книгопечатание с помощью наборного шрифта, вносят вклад в решение проблем всего человечества. Об этом свидетельствует опрос молодых людей – иностранцев, приехавших в Китай из 20 стран мира.

Несмотря на опасения некоторых критиков относительно высокого риска логики 3-1-0 при кредитовании через Интернет и отсутствие серьезной проверки колебаниями волн экономических циклов, можно смело утверждать, что внедрение стартап-проекта по управлению финансовыми рисками уже оказало огромное влияние на экономику Поднебесной. Почти 20 млн операторов малого и микробизнеса воспользовались этими технологиями и получили в общей сложности кредитов на 3,6 трлн. А показатель неработающих кредитов всего в 1,5% говорит об успешном тестовом периоде длительностью в 10 лет.

Инновации в финансовой сфере существенно влияют на все сферы жизнедеятельности во всем мире. При этом взаимодействие крупных финансовых корпораций и технологических стартапов создает благоприятные условия для внедрения и тиражирования инноваций, формируя, среди прочего, и более устойчивые стратегии развития для самих корпораций, снижая риски потери лидерства из-за отставания в технологической сфере.

Инновационная активность российских финансовых корпораций. Кредитное рейтинговое агентство³ назвало десятку крупнейших российских финансовых групп по итогам 2021 г. Крупнейшим как по активам, так и по влиянию на экономику страны безоговорочно можно назвать ПАО Сбербанк (далее – Сбербанк, Сбер), контролирующим акционером которого является государство в лице Правительства РФ. В последние годы Сбер начал активно

³ URL: <https://ratings.ru/analytics/finance/NCR-100-finance-121021>.

развивать инновации как внутри своего периметра, так и участвовать во внешних проектах. За последние пять лет в банке создан целый ряд инновационных лабораторий, которые позволяют повысить степень своей экспертизы и создавать новые продукты для бизнес-подразделений. Среди направлений, которыми интересуется банк VR/AR, искусственный интеллект, блокчейн-технологии, робототехника, геймификация бизнес-процессов, кибербезопасность, интернет вещей и др. По данным поисковой системы Федерального института промышленной собственности (далее – ФИПС), ПАО Сбербанк является правообладателем 99 изобретений и 11 полезных моделей, большинство из которых зарегистрированы в последние несколько лет. Среди патентов банка фигурируют «Способ и система определения синтетических изменений лиц в видео», «Способ и система захвата объекта с помощью роботизированного устройства», «Способ и система распознавания лиц и построения маршрута с помощью средства дополненной реальности», «Способ создания модели анализа диалогов на базе искусственного интеллекта для обработки запросов пользователей и система, использующая такую модель», «Роботизированное устройство для взаимодействия с укупорочными средствами», «Способ и система для создания мимики на основе текста», «Интеллектуальный холодильник» и др. Следует отметить, что Сбер существенно отстает от лидеров рынка по патентной активности как внутри страны, так вне ее. Например, лидером по патентной активности в России является ПАО «Татнефть» имени В.Д. Шашина, подавшее в 2016–2021 гг. 1052 заявки на изобретения. А такие международные корпорации, как «Хуавэй Текнолоджиз», «Ниссан мотор», «Самсунг электроникс», ежегодно патентуют несколько тысяч изобретений каждая. Причем этими патентами охраняются технические решения не только на территории страны происхождения компании, но и в других странах.

В 2021 г. Сбер создал онлайн-платформу SberUnity, определяемую разработчиком как «венчурный онлайн-хаб» [22]. В то время первый заместитель председателя правления банка Лев Хасис так характеризовал

основную цель этого амбициозного проекта: «Ландшафт российской венчурной отрасли становится более глобализованным и открытым, игроки постепенно переходят от парадигмы конкуренции к кооперации. Задача Сбера как технологической компании, системообразующей для экономики, – поддержать этот тренд. При разработке и определении приоритетов реализации функционала SberUnity мы сами действовали как стартап – опирались и продолжим опираться на ожидания рынка и обратную связь самих пользователей. Я рассчитываю, что SberUnity станет привычным местом встречи для всех участников венчурного рынка и будет способствовать его развитию» [23].

На венчурной платформе Сбера в настоящий момент представлено 1284 стартапа, прошедших предварительную модерацию. Имеющийся на SberUnity отраслевой фильтр позволяет получить достаточно достоверный статистический «слепок» наиболее активных направлений, по которым развивается российский венчурный рынок. Однако по непонятной причине рубрикатор фильтра представлен только в англоязычном варианте – русского интерфейса в фильтре не предусмотрено. Поэтому результаты поиска по базе стартапов SberUnity неизбежно будут иметь «англо-саксонский» акцент, не всегда учитывающий специфику отечественного бизнеса. Так, например, создатели платформы выделяют в качестве самостоятельной отраслевой позиции для стартапов технологии AdTech & MarTech, известные довольно узкому кругу специалистов, и представляющие собой программный инструментарий рекламной и маркетинговой настройки. Подобный подход порождает определенные неточности при оценке направлений деятельности представленных стартапов. Так, например, финтех-компания CASHOFF, специализирующаяся на создании технологий открытого банкинга и фискализации задач для привлечения и удержания клиентов, классифицируется на SberUnity и как компания финтеха, и как фирма AdTech & MarTech. Такое же пересечение наблюдается и по стартапам, занимающимся электронной коммерцией, финтехом, разработкой

программного обеспечения – все они многократно попадают в различные отраслевые фильтры. Вызывает недоумение наличие отдельных позиций рубрикатора в сферах деятельности столь близких, что различие между ними исчезающе мало, как, например, Cybersport и Gaming.

Довольно странно выглядит и рубрикатор «Рынки продаж» продуктов и услуг стартапов, где перечислены все страны мира, включая Антигуа и Барбуда, Ботсвана и Бурунди. Вероятно, разработчики платформы были недостаточно осведомлены о понятии «рынки продаж», предполагающем значительно более крупные географические регионы и агломерации, нежели Андорра и Вануату, также присутствующие отдельными позициями в перечне «рынков».

Вызывает вопросы и принцип технологической классификации стартапов, предложенной SberUnity. Рубрикатор «Технологии» содержит 28 наименований на английском языке – русского перевода не предусмотрено: 3D Printing, 5G, AI / ML, Analytics / Big Data, AR / VR, Autonomous vehicles, Bioenergy, Blockchain, Computer Vision, Deep Fake, Digital Twins, Gamification, Hardware, Intelligent Automation, IoT, LiDAR Sensors, Mobile, Nanotechnology, Neurotechnology, New Materials, No Code, Payments and Transactions, Quantum Computing, Real-time Analytics, SaaS, Software, Speech recognition / NLP, Video Analytics, Video Compression.

И если потенциальный инвестор или венчурный предприниматель попытается понять, почему, например, в перечне технологий, которые поддерживает SberUnity, имеется 5G, а 6G, разработка оборудования для которого уже началась в «Сколтехе» [24], отсутствует; или почему одна из форм облачных вычислений SaaS возведена в ранг «технологий»; или почему практически полностью отсутствуют критические технологии Российской Федерации, перечень которых утвержден Указом Президента РФ⁴, сделать это

⁴ Перечень критических технологий Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/988>.

не удастся: никаких комментариев о принципах отбора и методологии деятельности на платформе SberUnity не содержится.

При анализе интерфейса и функционала венчурной платформы SberUnity трудно избавиться от ощущения, что его разработчики просто скопировали информацию с аналогичной иностранной площадки, не удосужившись перевести, осмыслить и адаптировать полученный контент к российским реалиям. При подобном стратегическом подходе к поддержке отечественных высокотехнологичных стартапов даже отдельная вкладка «Импортозамещающие решения», где отражены 166 компаний, не способна заметно исправить ситуацию.

Впрочем, выявленные проблемы не умаляют проделанной Сбером работы, итогом которой стало появление в Российской Федерации первого полноценного венчурного ресурса, осуществляющего поддержку стартапов на всех этапах их создания и развития.

Попробуем использовать имеющийся на SberUnity инструментарий для анализа отраслей, где возникновение и деятельность стартапов наиболее заметна.

Как видно из построенной по итогам исследования диаграммы (рисунок), наибольшее количество заявок на платформе SberUnity зарегистрировано от стартапов, нацеленных на деятельность в сфере AdTech & MarTech, E-commerce, инновационного менеджмента и финтех.

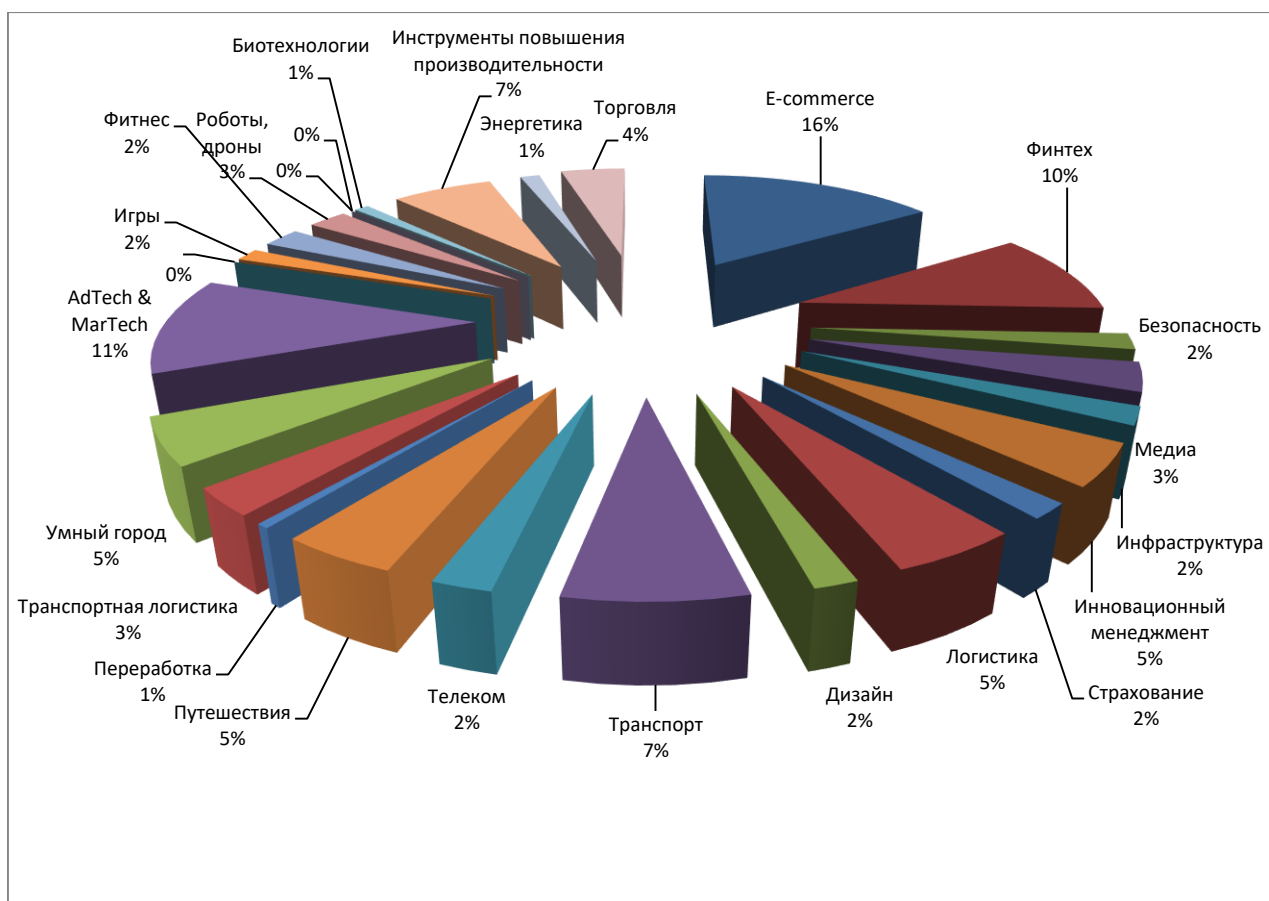

Рис. Количество зарегистрированных стартапов (в процентах) от общего количества на платформе SberUnity

Подобный результат мог стать следствием несовершенства отраслевых фильтров, о котором было сказано выше. Вместе с тем тенденция просматривается отчетливо: наибольшая активность отечественного венчурного бизнеса сконцентрирована в сфере IT-технологий для торговли, управления и логистики. Стартапы, ориентированные на производство, разработки в сфере энергетики, инжиниринга, сельского хозяйства также представлены, но доля их невелика.

Заметное место среди высокотехнологических компаний на платформе SberUnity занимают фирмы, ориентированные на развитие и использование блокчейн-технологий в различных хозяйственных и управленческих отраслях. Так, стартап Cover 2000 г. ориентирован на создание робототехнической децентрализованной платформы на технологии блокчейн для разработчиков дронов и специализированного ПО для них. Еще более молодая компания Феесс разрабатывает систему контроля качества производства на базе

блокчейн-технологий. Стартап AnalytEx, зарегистрированный в 2021 г., предлагает платформу для потоковой аналитики блокчейн-данных, на основании которых DeFi инвесторы могут принимать data-driven решения, без опоздания и без модификации данных третьей стороной, что действительно является новацией в сфере блокчейн-технологий⁵.

В 2010 г. Российской Венчурной Компанией и группой ВТБ был сформирован закрытый паевой инвестиционный фонд особо рискованных (венчурных) инвестиций «ВТБ-Фонд венчурный»⁶. Его задачей было инвестирование в перспективные, быстро развивающиеся компании в области информационных технологий, промышленных инноваций, биотехнологий и других отраслей экономики. Однако информации об успешных инвестициях созданного фонда найти не удалось.

По информации, размещенной на сайте⁷, ВТБ запустил акселератор для стартапов, через экспертизу которого уже прошли более 2000 команд, запущено 68 пилотов, а 62 – уже завершено. В сфере интересов банка – сервисы для обслуживания клиентов, автоматизация внутренних процессов, решения в области безопасности и др.

В начале 2022 г. представители банка объявили об инвестициях в 700 млн руб. от фонда «ВТБ Капитал Инвестиции» в сервис временной занятости *Ventra Go!*. Стартап помогает решить проблему острой нехватки линейного персонала в ритейле и доставке, найти сотрудников на несколько часов. Инвесторы ожидают, что такие платформы смогут перевернуть рынок найма, как это сделали в свое время агрегаторы в сегменте такси. Внутренняя система самостоятельно подбирает сотрудника на основе требований заказчика и местоположения исполнителя. *Ventra Go!* также берет на себя проверку документов и квалификации персонала⁸.

⁵ URL: <https://sberunity.ru/startup>.

⁶ URL: <https://www.venture-news.ru/27504-vtb-fond-venchurnyy.html>.

⁷ URL: <https://startup.vtb.ru/home/>.

⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5170949>.

Согласно данным поисковой системы ФИПС, ВТБ принадлежит всего шесть патентов на изобретения. Столь малое количество патентов свидетельствует о низкой инновационной активности одной из крупнейших и системообразующих российских государственных финансовых корпораций.

Газпромбанк является правообладателем одного патента на изобретение «Процессинговый центр и способ перевода денежных средств в банковской платежной системе» с приоритетом от 2010 г. Другие банковские структуры из первой десятки крупнейших патентами не владеют. При этом указанные выше финансовые корпорации с государственным участием не включены в Перечень акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций, государственных компаний и федеральных государственных унитарных предприятий, реализующих программы инновационного развития, утвержденный решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России (протокол от 24.06.2016 № 3), в который входят 57 государственных корпораций, акционерных обществ и ФГУП.

Интересно, что в 2022 г. Центральный банк Российской Федерации получил свой первый патент – на полезную модель «Устройство для уничтожения дефектных монет». При этом Банк Канады и Банк Франции имеют российские патенты на изобретения.

В отчетном докладе⁹, подготовленном Фондом The Untitled Ventures и телеграм-каналом «Русский венчур», указывается на то, что по итогам 2021 г. российский рынок венчурных инвестиций вырос практически в 3,5 раза, с 24,9 млрд руб. до 85,2 млрд руб. При незначительном росте количества сделок меньше, чем на 10% – с 203 до 221. Рост рынка произошел за счет увеличения среднего чека в сегментах «иностранные инвесторы», «частные фонды» и «корпоративные инвесторы». Именно иностранные, а не отечественные,

⁹ URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/61c039b19a7947635587c04d>.

финансовые структуры обеспечили столь резкий рост рынка. На их долю пришлось 44 млрд руб. – более половины всего рынка.

При этом такая динамика объясняется не только несколькими крупными для нашего рынка сделками (например, \$298 млн, вложенными в сервис финансовой информации TradingView фондом Tiger Global, или \$150 млн, вложенными в онлайн-сервис заказа автомобилей inDrive), но и увеличением среднего чека в этой категории в несколько раз. Как видно из представленной ниже аналитики, государственные фонды существенно снижают свою активность.

Так, в докладе отмечается, что финтех-стартапы являются наиболее привлекательными для инвесторов. Объем средств, инвестированных в них, существенно превышает остальные сферы (в 2021 г. – 26,4% всего российского венчурного рынка).

Крупнейшие частные венчурные фонды с российскими корнями предпочитают инвестировать в зарубежные компании. Так, Target Global, который закрыл наибольшее число сделок в 2021 г., инвестирует в европейские, американские и израильские проекты.

RTP Global поучаствовал в самой крупной сделке с участием фондов, связанных с Россией, на €80 млн берлинского стартапа Urban Sports Club. TMT Investments вложилась в британскую финтех-компанию Outfund в раунде на £37 млн. Среди портфельных инвестиций TMT: финтех-стартап Bolt, Wrike (SaaS-платформа для управления проектами и совместной работы команд) и Pipedrive (разрабатывает ПО по управлению продажами).

Фонд AltaIR Capital и инвесторы из AltaClub профинансировали на \$130 млн американский финтех-стартап Sunbit. Известно о 22 сделках фонда I2BF Global Ventures, а самой заметной его инвестицией стала сделка с американским стартапом ServiceTitan (разработчик ПО для компаний, которые обслуживают дома)¹⁰.

¹⁰ URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/61c039b19a7947635587c04d>.

Количество сделок российских корпоративных венчурных фондов исчисляется всего несколькими десятками в год, что не может обеспечить полноценное финансирование для столь важной сферы, какой является технологическое предпринимательство. При этом ситуация с предпочтением финансировать зарубежные стартапы сохраняется и в корпоративном сегменте. Например, самой крупной сделкой для фондов МТС стала инвестиция на сумму \$10 млн в американского производителя ИИ-чипов Kneron. A Finsight Ventures вложил \$40 млн в индийскую healthcare-платформу MediBuddy.

Таким образом, можно сделать предварительные выводы, о том, что современный этап развития корпоративного венчурного рынка в России свидетельствует о низкой активности игроков, слабой инновационной восприимчивости финансовых корпораций. Крупные финансовые группы недооценивают возможности института интеллектуальной собственности, существенно отстают от мировых лидеров. Большинство инвесторов рассматривают финтех как наиболее перспективную сферу. Несмотря на положительную динамику по объему финансирования стартапов и количеству сделок, большинство крупных инвестиций осуществляется в зарубежные проекты.

Цифровые финансовые активы, NFT и другие инструменты, как новые возможности для развития российского венчурного рынка. Осознавая наличие проблемы в сфере венчурного рынка, участники законодательства продолжают поиск новых механизмов для его развития. Так, в 2021 г. был принят Федеральный закон № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который дал возможность компаниям малого и среднего бизнеса (далее – МСП) использовать новый привлекательный инвестиционный инструмент – договор конвертируемого займа. В соответствии с ним вместо возврата суммы займа займодавец может получить акции (доли в уставном капитале) компании-заемщика.

Определенную роль может сыграть План мероприятий (дорожная карта) по реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата» по направлению «Интеллектуальная собственность», утвержденный Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.08.2021 № 2360-р.

Кроме того, большой вклад в активизацию венчурного рынка можно ожидать от разрабатываемых новых цифровых финансовых платформ и инструментов. Так, в соответствии с принятым Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ) легализованы новые цифровые финансовые активы (далее – ЦФА), введение которых позволяет упростить привлечение инвестиций.

Цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы¹¹.

Выпуск, учет и обращение ЦФА возможны только путем добавления записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в другие системы. Права, удостоверенные ЦФА, возникают у их первого обладателя с момента внесения в систему записи о зачислении ему таких

¹¹ ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018.

активов. Вид и объем прав, которые удостоверяются ЦФА, нужно назвать в решении об их выпуске. ЦФА учитываются в системе их выпуска. По общему правилу записи о ЦФА можно вносить или изменять по указанию эмитента этих активов и их обладателя.

В указаниях Банка России от 25.11.2020 № 5635-У «О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором, о признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления, об указанных сумме денежных средств и совокупной стоимости цифровых финансовых активов» определены признаки ЦФА, которые вправе покупать только квалифицированные инвесторы.

Согласно нормам Закона № 259-ФЗ, сделки (купля-продажа ЦФА либо обмен ЦФА одного вида на такие же активы другого вида) необходимо заключать через оператора обмена ЦФА.

На основании части 3 ст. 1 Закона № 259-ФЗ цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных

и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам¹².

Исходя из понимания правовой природы цифровой валюты, представляющей собой совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения) в информационной системе, которые могут быть приняты как инвестиции или средство платежа, не являющегося денежной единицей РФ, и в отношении которых нет лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных, можно отметить такую особенность, заключающуюся в том, что цифровая валюта признается имуществом. Так, к примеру, нормы ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и части 4 ст. 68 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» признают цифровую валюту имуществом¹³.

В отношении оборота цифровой валюты законом установлен запрет принимать оплату товаров, работ и услуг цифровой валютой. Статьей 14 Закона № 259-ФЗ закреплено положение, в силу которого юридическим лицам, личным законом которых является российское право, запрещено принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими или им товары, выполняемые работы, оказываемые услуги или иного способа, позволяющего предполагать такую оплату. Аналогичный запрет установлен и для российских резидентов – физических лиц. Таким образом, использование цифровых валют в качестве платежного средства в нашей стране запрещено. Более того, запрещается даже распространение информации о предложении или приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления [25].

¹² Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018.

¹³ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ, 08.10.2007, № 41, ст. 4849; Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.

Кроме того, требования лиц, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством РФ о налогах и сборах. Эти лица смогут защитить свои права в суде, только если они сообщили о том, что у них есть такая валюта и они совершали с ней сделки, операции.

Статьей 14 Закона № 259-ФЗ также установлен запрет на распространение сведений о предложении и приеме цифровой валюты как способе оплаты товаров, работ и услуг.

Еще одним новым инструментом, использование которого в последнее время вызывает оживленные обсуждения, является NFT (non-fungible tokens, невзаимозаменяемые токены) – вид криптографических токенов, которые являются уникальными (специфичными), существуют в единственном экземпляре, не являются взаимозаменяемыми, т.е. не могут замещаться аналогичным токеном. Технология NFT появилась в 2017 г. на основе смарт-контрактов в криптовалюте Ethereum. NFT-токен представляет собой цифровой сертификат, который содержит зашифрованную информацию о товаре, его владельце и сделках. Для создания NFT-токена необходимо завести криптокошелек и загрузить на специальную площадку цифровой контент: картинки, музыку т.д.

NFT-токены представляют собой цифровое имущество (картины, аудиодорожки, видео, фотографии и др.) и набор определенных прав на него (специальный сертификат с метаданными). Вся информация об операциях с NFT-токенами фиксируется в блокчейне, который хранит информацию о невзаимозаменяемых токенах. NFT-токен является криптографическим цифровым ключом, который не подлежит изменениям или обмену.

Платформа блокчейн обеспечивает безопасность NFT-токена, которая характеризуется открытостью информации. Блокчейн фиксирует данные, отмечая время по всем транзакциям с указанием владельца прав в

распределенном реестре. По всем транзакциям платформы блокчейна можно получить полную информацию о том, когда была совершена сделка с NFT-токеном, кто участвовал в транзакции и кто владеет авторскими правами.

Ценность NFT заключается в том, что данные о приобретении объекта творчества с уникальной цифровой подписью сохраняются с помощью технологии блокчейн. Всю информацию о владельце NFT и его токенах закрепляют в блокчейн-реестре, заменить данные или стереть информацию невозможно [26].

NFT-токены необходимо отличать от взаимозаменяемых токенов, которые представляют собой цифровую валюту (криптоактивы) и обладают одинаковой ценностью: можно обменять одну единицу такого токена на любую другую единицу того же токена.

Признак невзаимозаменяемости NFT-токенов отличает их от классических смарт-контрактов и криптовалюты, которые по своей технической и юридической природе являются взаимозаменяемыми. В настоящее время NFT активно развивается в первую очередь в сфере искусства. NFT-токены используются для подтверждения аутентичности объектов цифрового искусства по аналогии с сертификатами, выдаваемыми в отношении материальных предметов искусства [27].

Уникальность NFT-токена связана с тем, что такой токен далеко не всегда может быть отождествлен или связан с результатом интеллектуальной деятельности. Поскольку правовой статус NFT-токенов в настоящее время законодательно не определен, то в условиях договора купли-продажи невзаимозаменяемых токенов покупатели могут не приобретать каких-либо прав. Например, согласно условиям договоров купли-продажи компании Christie's, покупатели должны признать, что покупка NFT не дает им никаких прав, кроме прав собственности на сам токен. Более того, продавец уведомляет покупателя о том, что существует значительная неопределенность в отношении характеристики NFT и других цифровых активов. В случае если при покупке NFT-токена отсутствует соглашение сторон, то перехода

исключительных прав на производство и заключения лицензионного договора не происходит, передается ли право на сам токен (NFT-арт). Таким образом, «из условий продажи неясно, происходит ли одновременно с переходом токена переход самого файла картины» [27]

Следует отметить, что в науке предпринимались попытки рассмотрения токенов как некоего цифрового ценового аналога объектов гражданских прав [28]. Однако актуальным остается вопрос регулирования NFT и соотнесения его с уже существующей категорией ЦФА. Сегодня токены, в целом, регулируются Законом № 259-ФЗ, однако пока данный нормативный акт оставляет за рамками правового поля невзаимозаменяемые токены (NFT) [29].

Токен представляет собой как код виртуального объекта, так и цифровой ключ, с помощью которого возможна идентификация «собственника» токена. Это необходимо для допуска к токену и совершения с ним различных операций. Таким образом, цифровой ключ играет роль функции «распознавания управомоченного лица» [28].

Невзаимозаменяемый токен не подпадает под определение ЦФА, поскольку не включает в себя денежных требований или возможности осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам. К тому же к ЦФА могут быть отнесены только те активы, которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА в порядке, установленном законом.

NFT не дает права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Исходя из имеющегося в Законе № 259-ФЗ понятия ЦФА к NFT относится лишь часть, связанная с возможностью выпуска, учета и обращения только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Таким образом, в настоящее время на NFT нельзя распространить законодательство о ЦФА, т.к. они не выполняют соответствующие функции. NFT-токены можно использовать только как инструмент для защиты и коммерческого оборота объектов интеллектуальной собственности [30].

Несмотря на то, что NFT отличаются от ЦФА целевым назначением (выступая в роли цифрового ключа к объекту) и отсутствием признаков, позволяющих отнести их к этой категории активов, NFT по своей экономической природе является активом (например, публично торгуемые на рынке акции компаний, которые значимым образом вовлечены в NFT). Между тем, в отличие от ценных бумаг (акций, облигаций), NFT осуществляет цифровое подтверждение того, что пользователь имеет доступ к произведению искусства, но не обладает признаками ценных бумаг, которые можно инвестировать, владеть с их помощью долей в организации и получать дохода в виде дивидендов.

С точки зрения российского законодательства правовой режим NFT остается неопределенным, кроме того, пока не сложилось соответствующей судебной практики. В связи с этим целесообразно внести в Закон № 259-ФЗ изменения, которые бы детализировали правовое регулирование криптовалюты и токенов, в частности, невзаимозаменяемых токенов, а также сделок, совершаемых с использованием NFT-токенов.

Сделки по покупке NFT осуществляются с помощью смарт-контрактов для обеспечения их основных преимуществ (безопасность, автономность, непрерывность, надежность и высокая производительность) и при их совершении на маркетплейсе криптобиржи используется криптовалюта. Известные примеры сделок с NFT, такие как продажа за \$2,9 млн основателем Twitter Джеком Дорси своего первого твита в виде NFT, привязанного к его первой публикации, имеют свои особенности: покупатель в результате данной сделки получил не сам твит, а уникальный цифровой сертификат, подписанный и заверенный автором.

Другой пример связан с покупкой NFT, при которой, согласно условиям сделки, покупателю передаются права собственности на сам объект: компания Nike в декабре 2019 г. получила патент на CryptoKicks, представляющий собой систему, связывающую NFT-токен с товаром (кроссовки). В итоге покупатели получают право собственности и на NFT-токен, и на обувь. При такой покупке

NFT за приобретателем закрепляется право владения цифровым активом, связанным с материальной вещью. Вместе с NFT покупатель может получить и лицензионные права на использование интеллектуальной собственности продавца для определенных целей (лицензия).

В России уникальную сделку с NFT-токенами картин на сумму свыше 32 млн руб. осуществил Музей «Государственный Эрмитаж». Аукцион проходил на маркетплейсе криптобиржи Binance с 31 августа по 7 сентября 2021 г. При подготовке к сделке было создано 10 результатов интеллектуальной деятельности в формате NFT на основе музейных экспонатов (картин «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи, «Юдифь» Джорджоне, «Куст сирени» Винсента Ван Гога, «Композиция VI» Василия Кандинского, «Уголок сада в Монжероне» Клода Моне). Все токены были созданы в двух экземплярах: один был продан, другой – хранится в музее. Всего на аукционе было выставлено пять NFT-токенов, один из которых, основанный на картине «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи, был продан более чем за \$150 тыс. (в перерасчете на рубли). Стартовая стоимость каждого токена составила \$10 тыс. в стейблкоине BUSD. Совершенная сторонами сделка представляла собой смешанный договор с элементами агентского, лицензионного и договора заказа, включающий условия: о создании 10 результатов интеллектуальной деятельности на основе музейных экспонатов в формате NFT токенов и передаче исключительных прав на них музею; об уничтожении всех копий на бумажных носителях агентом по поручению музея; о реализации на блокчейн-платформе Binance пяти NFT и переводе денег в российских рублях; о передаче пяти NFT на аппаратном кошельке [27].

Все вырученные от продажи на аукционе средства переданы музею. Победители аукциона получили видео в формате NFT с моментом подписания купленного токена генеральным директором музея Михаилом Пиотровским. В отношении NFT-токенов, выставленных на аукцион, учет произведен как имущества, не обладающего признаками нематериальных активов, а оставшиеся в музее NFT-токены учтены как нематериальные активы.

Механизм реализации прав на аукционе NFT заключается в том, что победители приобретают право создать собственную копию оригинального цифрового объекта. Оригинал цифрового произведения используется, когда токен создается. При продаже NFT создается копия объекта, ценность которого с каждым повторением неуклонно падает. Покупатель, приобретая NFT, осуществляет покупку не цифрового объекта, а токена, который гарантирует возможность обладания уникальным цифровым сертификатом. При этом после продажи NFT сам объект и все данные о владельце NFT токена остаются в системе блокчейн. При совершении транзакции по сделке блокчейн-технология публикует данные о транзакциях, что позволяет проследить всю историю по сделкам с NFT-токенами с момента их регистрации на платформе блокчейн. Таким образом, открытый характер совершенных сделок, их прозрачность, публикация на платформе блокчейн данных о сделках, продавце, покупателе и сумме, которая была затрачена на товар, обеспечивают повышенную ценность NFT токенов.

К числу цифровых активов, обладающих экономической ценностью и исключительно цифровой сущностью, в настоящее время помимо токенов можно отнести, криптовалюты, большие данные (Big Data), доменные имена, аккаунты. С развитием технологий появляются иные виды цифровых активов.

Интересно применение NFT-токенов к объектам промышленной собственности. Так, корпорацией IBM с 2021 г. в невзаимозаменяемые токены преобразованы собственные патенты с помощью IBM Blockchain для дальнейшего их размещения на патентной площадке блокчейн-платформы IBM Cloud и IPwe¹⁴.

Цель осуществленного корпорацией преобразования состоит в создании патентной площадки NFT-токенов для защиты интеллектуальной

¹⁴ IBM токенизирует в NFT свои патенты. 21.04.2021. РБК: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/607feb5d9a79470610bd4313>.

собственности, оценки стоимости патентов, коммерциализации и ликвидности активов.

Также следует отметить влияние NFT-токенов на развитие стартапов, имеющее следующие особенности: NFT-токены можно продавать и покупать на платформе блокчейн, их достоверность можно проверить, т.к. активы верифицируются на блокчейне, что исключает возможность подделки, покупатели могут подтвердить право на владение через блокчейн. NFT-стартапы имеют большие возможности для развития и успешной реализации.

Учитывая популяризацию NFT-токенов в современном мире и их фактическое использование в качестве ЦФА, существует необходимость устранения имеющихся в российском законодательстве пробелов в нормативно-правовом регулировании NFT токенов в качестве ЦФА, которая бы позволила преодолеть существующую правовую неопределенность и использовать NFT-технологии в венчурных сделках для развития стартапов.

2 августа 2019 г. был принят ранее упомянутый Закон № 259-ФЗ, который получил неформальное название «закон о краудфандинге». В пояснительной записке¹⁵ к законопроекту говорилось, что он должен содействовать развитию альтернативного источника финансирования проектов субъектов малого и среднего предпринимательства на ранних стадиях развития (в первую очередь высокотехнологичных компаний) – коллективного финансирования (краудфандинга и краудинвестинга). Закон регулирует отношения, возникающие в связи с привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ, определяет правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ, регулирует возникновение и обращение утилитарных цифровых прав, а также выдачу и обращение ценных бумаг, удостоверяющих утилитарные цифровые права. Максимальная сумма инвестиций в один проект установлена в размере 1 млрд руб., при этом максимальный взнос одного участника – не более 600 тыс. руб.

¹⁵ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7>.

Еще на моменте обсуждения проекта закона у участников рынка разгорелись споры по сути его норм. Например, заместитель директора по правовым вопросам крупнейшей российской краудфандинговой платформы Planeta.ru Алексей Чесноков отмечал, что проект закона «не предполагает регулирование таких платформ, как Planeta.ru. Это следует из п. 2 ст. 1 указанного законопроекта. Сфера его применения сведена исключительно к следующим способам инвестирования: займы, эмиссионные ценные бумаги и утилитарные цифровые права. Ни один из указанных способов на нашей платформе не используется. Многие ошибочно продолжают называть этот закон законом о краудфандинге, но на 61 странице законопроекта нет ни одного слова «краудфандинг». От него отказались, чтобы не путать людей. Для обычных инвесторов, которые используют инструменты инвестиционных платформ, этот закон даст более понятные условия инвестирования. Определен правовой статус самих платформ, а также инструментов, с помощью которых можно инвестировать». Он подчеркнул, что «краудфандинг (по модели Planeta.ru) и инвестиции – это разные финансовые инструменты. Краудфандинг предполагает, что участник может поддержать проект безвозмездно или получить нефинансовое вознаграждение, например, сам будущий продукт проекта (календарь, книгу, диск, гаджет и пр.) или приглашения на какие-нибудь мероприятия»¹⁶.

В этой связи интересно, что в годовом отчете Банка России за 2021 г. указывалось на рост практики финансирования с помощью инструментов фондового рынка и краудфандинга, онлайн-факторинга. По количеству организаций, объему сделок и охвату клиентской базы рынок краудфандинга стабильно развивался. Инвесторами на площадках операторов инвестиционных платформ выступали преимущественно физические лица, а «объем привлеченных денежных средств на этом рынке в 2021 г. составил 13,8 млрд руб.».

¹⁶ URL: <https://vc.ru/u/476314-nip-rf/116903-cto-privnes-v-nashu-zhizn-novyiy-zakon-o-kraudfandinge>.

Учитывая, что, согласно данным того же Банка России, в 2018 г. – до принятия закона – рынок краудфандинга составлял 15,2 млрд руб.¹⁷, принятие закона пока не привело к значимым для венчурного рынка результатам.

Между тем в России уже созданы и успешно развиваются венчурные проекты собственных блокчейн-платформ и блокчейн-бирж. В начале 2020 г. Алексом Сальниковым и Алексеем Фалиным в Москве была создана торговая площадка NFT – невзаимозаменяемых токенов, или уникальных идентификаторов цифровых объектов. Этот стартап получил название Rarible; он позволяет покупать и продавать цифровые предметы коллекционирования. По имеющейся на сегодняшний день доступной информации, средний объем торгов NFT за 24 часа на площадке Rarible составляет примерно \$1,5 млн. Комиссия, взимаемая Rarible, составляет 2,5% с покупателя и продавца в дополнение к комиссии за чеканку токена.

Александр Зыричев и Олег Дьяченко ведут работу над созданием универсальной многоплатформенной информационной системы защиты, управления и монетизации интеллектуальных активов в сети Интернет IQTER (смарт-биржа интеллектуальных активов). Система IQTER представляет собой информационно-коммуникативную технологию, позволяющую совершать онлайн операции с любым интеллектуально-творческим продуктом (далее – ИТП). Система включает в себя депонирование ИТП в качестве интеллектуального актива; экспертизу соответствия ИТП определенному типу; закрепление исключительного права на ИТП на основе реализации выбранной стратегии правовой охраны; оценку рыночной стоимости ИТП по авторской методике; заключение и сопровождение прямых и инвестиционных смарт-контрактов с ИТП; краудлендинг и краудинвестинг в новые технологии и любые ИТП; биржу цифровых прав и интеллектуальных токенов.

Набирающие популярность венчурные NFT-проекты тесным образом связаны с зарождающимся рынком ЦФА. В 2022 г. на отечественном рынке

¹⁷ URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/19699/ar_2018.pdf.

стартовали сразу несколько проектов с использованием ЦФА. Еще раз уточним, что цифровые финансовые активы не являются чем-то принципиально новым и отличным от традиционных финансовых инструментов. Это лишь новый удобный инструментарий для инвестирования, не отменяющий рутинной работы аналитиков по оценке рисков соответствующих рынков: финансового, недвижимости, сырья, искусства и прочих. Безусловным плюсом ЦФА по сравнению с апробированным финансовым инструментарием является его мобильность и меньшая нормативная зарегулированность. Однако в этих очевидных достоинствах сокрыты стандартные риски тех самых финансовых деривативов – производных финансовых инструментов – которые привели к ипотечному кризису в США 2008 г., включая скандальное банкротство Lehman Brothers.

В этой связи, вероятно, не случайно одним из первых проектов с использованием ЦФА в России стал совместный венчурный проект крупнейшего застройщика Татарстана «Джи-групп» и российской национальной блокчейн-платформы «Мастерчейн», заложивший основы отечественной блокчейн-инфраструктуры.

Создание Ассоциацией «ФинТех» платформы «Мастерчейн» было инициировано Банком России (далее – ЦБ) осенью 2016 г. Объединение «ФинТех» помимо ЦБ на тот момент включало в себя лидеров отечественного рынка в составе Сбербанка, Альфа-банка, банка «Открытие», Тинькофф Банка, Qiwi, ВТБ, Газпромбанка, Национальной системы платежных карт, ПАО «АК БАРС», РНКО «Платежный Центр», Райффайзенбанка, Совкомбанка, Промсвязьбанка, МТС, «МБ Инновации», Ростелекома, Внешэкономбанка.

С момента создания платформа «Мастерчейн» не была отмечена громкими проектами, что дало повод скептикам усомниться в ее эффективности и жизнеспособности. Поэтому венчурный ипотечный проект с ее участием, заявленный в июле 2022 г., имеет особое значение для рынка. Суть его сводится к привязке стоимости NFT в момент выпуска к стартовой цене за один квадратный метр в строящихся объектах жилой недвижимости,

который, по прогнозу, будет расти вместе со средней стоимостью объекта по мере готовности здания. В качестве пилотного проекта «Джи-групп» планировала осуществить эмиссию ЦФА номиналом от 300 тыс. рублей в заложенном жилом комплексе Upoint в Санкт-Петербурге и номиналом от 280 тыс. рублей в казанском жилом комплексе UNO. Оператором информационной системы выступила компания «Системы распределенного реестра».

Предложенная «Джи-групп» и «Мастерчейн» финансовая схема инвестирования в недвижимость посредством цифровых финансовых активов открывает новую страницу в деле венчурной поддержки стартапов в РФ. Расширение поля использования NFT в качестве инструмента вхождения массового инвестора в дорогие и малодоступные, как, например, редкие металлы, активы влечет за собой развитие соответствующей цифровой инфраструктуры, становление которой пока сдерживается несовершенством нормативной базы и малой осведомленностью инвесторов об этих рыночных новациях.

В настоящее время «Мастерчейн» – это не блокчейн-биржа. Проект создавался в целях формирования современного финансового инструментария на базе технологии распределенных реестров в интересах крупных отечественных корпораций: электронных закладных, цифровых банковских гарантий, цифровых аккредитивов. Однако создание и развитие на платформе «Мастерчейн» полноценной блокчейн-биржи представляется, на наш взгляд, не только возможным, но и чрезвычайно своевременным, государственным делом, особенно учитывая тот факт, что платформа уже обеспечивает юридическую значимость обрабатываемой информации (в рамках российской юрисдикции), сертифицирована ФСБ России в соответствии с российскими стандартами криптографии и требованиями к информационной безопасности.

Отметим также, что Сбербанк в июле 2019 г. объявил о выходе из проекта «Мастерчейн» из-за неудовлетворенности скоростью, безопасностью и общей эффективностью платформы. В качестве альтернативы ведущий

российский банк рассматривал корпоративные блокчейн-платформы Hyperledger Fabric от Hyperledger и Quorum от JPMorgan. События 2022 г. наглядно продемонстрировали, насколько ошибочными оказались принятые Сбером решения в этой области: масштабные незаконные экономические рестрикции в отношении российской банковской системы не оставили иных альтернатив, кроме развития отечественных цифровых платформ. Впрочем, современный анализ построения платформы SberUnity показывает, что Сбер пока не сделал соответствующих выводов, и продолжает строить свой венчурный бизнес по стремительно устаревающим глобальным моделям.

Сбер развивает свою информационную систему¹⁸, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. Известно об одном решении о выпуске цифровых финансовых активов – цифровых облигаций – для Общества с ограниченной ответственностью «Сбербанк Факторинг» в сумме до 1 млрд руб. с выкупом через два месяца.

Полученные объединением «ФинТех» результаты и технологические наработки могут стать основой для создания в России полноценной блокчейн-биржи, которая станет площадкой для развития отечественных высокотехнологических стартапов в области блокчейна. И первые шаги крупных отечественных цифровых операторов уже намечены. Так, в феврале 2022 г. соцсеть «ВКонтакте» объявила о внедрении поддержки NFT: при посредничестве соцсети авторы смогут загрузить контент, создать токен, а потом разместить его на бирже. Иными словами, в РФ на сегодняшний день уже имеются и технологические решения, и IT-компании, и инвесторы, готовые создавать и реализовывать крупные венчурные блокчейн-проекты, включая создание национальной биржи NFT.

По мнению Председателя Правительства России Михаила Мишустина, «необходимо интенсивно развивать инновационные направления, в том числе заниматься внедрением цифровых активов. Это безопасная для всех сторон

¹⁸ URL: https://www.sberbank.ru/ru/legal/services/digital-assets?tab=other_docs.

альтернатива, которая способна гарантировать бесперебойную оплату за поставки товаров из-за рубежа и на экспорт»¹⁹. Учитывая, что руководство Банка России ранее уже высказывалось в поддержку такой инициативы, можно предполагать, что рынок ЦФА, NFT, криптовалюты и венчурных инвестиций в высокотехнологичные стартапы будет находиться в фокусе внимания государства.

Заключение

Финтех-инновации оказывают существенное воздействие на все сферы жизнедеятельности. Крупнейшие финансовые корпорации уделяют большое внимание взаимодействию с технологическими стартапами, создают благоприятные условия для внедрения и тиражирования инноваций, формируя, среди прочего, и более устойчивые стратегии развития для самих корпораций, снижая риски потери лидерства, связанные с возможным отставанием в технологической сфере. Финтех-сфера большинством инвесторов рассматривается как наиболее перспективная.

Корпоративный венчурный рынок в России свидетельствует о низкой активности игроков, слабой инновационной восприимчивости финансовых корпораций. Крупные финансовые группы недооценивают возможности института интеллектуальной собственности, существенно отставая от мировых лидеров. Несмотря на положительную динамику по объему финансирования стартапов и количеству сделок, большинство крупных инвестиций осуществляется в зарубежные проекты. Финансовые корпорации с государственным участием, присутствуя в сегменте венчурных инвестиций, в том числе в финансовой сфере, пока не стали драйверами этого процесса, а коммуникации участников рынка (предпринимателей, изобретателей) с ними и с государственными институтами развития существенно ограничены. Шаблоны, по которым строится российский венчурный бизнес, зачастую

¹⁹ URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/630df9329a7947e53e48bf97>.

копируют модели десятилетней давности, что наглядно отражено в специализированной научной литературе, алгоритмах работы ряда российских корпораций и внедряемых технологиях.

В то же время в России создается правовая основа для работы с новыми технологиями, финансовыми инструментами и платформами, которые могут оказать существенное влияние на оживление венчурного рынка. Принятые законы, легитимизирующие цифровые финансовые активы и финансовые платформы, позволят использовать блокчейн-технологии для упрощения привлечения инвестиций. Ускорение этому процессу придает складывающаяся геополитическая обстановка. Однако участники рынка указывают на проблемы, связанные с правовой неопределенностью статуса NFT.

Вместе с тем можно констатировать, что в РФ на сегодняшний день создается высокотехнологичная цифровая инфраструктура, на которой могут возникать и развиваться инновационные стартапы. Ежедневная динамика регистрации новых стартапов на платформе SberUnity свидетельствует о высокой активности стартапов и востребованности готовых решений для их поддержки. Обеспечение такой поддержки должно стать одной из первоочередных задач государственного и корпоративного управления.

В качестве мер, активизирующих российский венчурный рынок, можно предложить следующие.

Корректировка программ и стратегий инновационного развития финансовых корпораций (как частных, так и с государственным участием) с целью более широкого взаимодействия с отечественными стартапами, что может создать предпосылки как для закрепления российских стартап-команд в стране, так и для повышения конкурентоспособности финансовых корпораций на внутреннем и внешнем рынке. Учитывая превалирующее присутствие государства в финансовом секторе, необходимы усиление мотивационного давления и корректировка показателей эффективности менеджмента корпораций с государственным участием, направленные на

развитие российского высокотехнологического сектора для малых и средних предприятий через венчурное финансирование, использование механизмов законодательства об интеллектуальной собственности для международной экспансии.

Закрепление в качестве норматива (в процентах от выручки) расходования средств на инновационное развитие, разработку и создание новых продуктов (в том числе через венчурное финансирование российских стартапов) для компаний с государственным участием, позволит перенаправить денежные потоки в стартап-проекты. Для частных корпораций возможно заместить часть федеральных налогов (НДС или налог на прибыль) суммами, направленными на финансирование российских технологических стартапов. Предоставив дополнительные полномочия руководителям общественных и саморегулируемых организаций, объединяющих технологических предпринимателей, в части возможности личных коммуникаций и ответов на письменные обращения в интересах технологических стартапов, во многом можно решить проблему отсутствия диалога между стартап-компаниями и крупными корпорациями. Проведение дополнительных аналитических исследований, результатом которых стали бы профессиональные рекомендации и методики, нацеленные на опережающее развитие российского венчурного бизнеса, и, что самое главное, скорейшая их реализация на практике, позволит осуществить значимый скачок в технологическом и экономическом развитии России.

Список источников

1. Вики Тендаи. Корпоративный стартап: как создать инновационную экосистему в крупной компании: / Тендаи Вики, Дэн Тома, Эстер Гонс ; [перевод с английского Наталья Лихачева]. - Москва: Альпина Паблишер, сор. 2021. – 286 с.
2. Дрейпер Уильям. Стартапы: профессиональные игры Кремниевой долины [пер. с англ.] / Уильям Дрейпер ; предисл. Э. Шмидта; [пер. с англ. В. Егорова]. – Москва: Эксмо, 2012. – 378 с.

3. Кавасаки Гай. Стартап по Кавасаки: проверенные методы начала любого дела: / Гай Кавасаки; перевод с английского: [Д. Глебов]. – Москва: Альпина Паблишер, 2016. – 329 с.
4. Купер Brent. Стартап вокруг клиента: как построить бизнес правильно с самого начала / Brent Купер и Патрик Власковиц ; пер. с англ. Варвары Кулаевой. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 67 с.
5. Кэтлин Кэтрин. Управление стартапом: как руководить компанией на разных этапах роста / Кэтрин Кэтлин, Джейна Мэтьюз; пер. с англ. Юлии Корнилович. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2011. – 173 с.
6. Фелд Брэд. Привлечение инвестиций в стартап: как договориться с инвестором об условиях финансирования / Брэд Фелд, Джейсон Мендельсон; пер. с англ. Сергея Филина. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 281 с.
7. Харниш Верн. Правила прибыльных стартапов: как расти и зарабатывать деньги / Верн Харниш ; пер. с англ. В. Хозинского. - Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 279 с.
8. Горный А.А. Стартап: как начать с нуля и изменить мир: инсайты от экс-директора по стратегии и анализу mail.ru group: / Александр Горный. – Москва: Бомбора, 2019. – 316 с.
9. Евсейчев А.И. Основы стартап-менеджмента: электронное учебное пособие для обучающихся по направлению 080200.62 «Менеджмент» очной и заочной форм обучения: учебное мультимедийное электронное издание комплексного распространения / А.И. Евсейчев; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение «Тамбовский гос. технический ун-т». – Тамбов: ТГТУ, 2014.
10. Ицаков Е.Д. Учебно-методическое пособие по проведению учебно-практического курса «Стартап как проект» / Е.Д. Ицаков; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва: Дело (2021). – 23 с.
11. Маркушина Н.Ю. Стартап: курс для начинающих. – Санкт-Петербург: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022. – 234 с.
12. Янковский Р.М. Закон стартапа: учебное пособие по онлайн-курсу «Юридическая поддержка стартапов»: [юридические вопросы российских стартаперов и ответы на них: / Роман Янковский. – Москва: Стартап, сор. 2017. – 188 с.
13. Бурдуковский В.Н. Проблемы развития стартапа // Скиф. 2019. №12-1 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-startapa> (дата обращения: 06.08.2022).

14. Назаренко А.С. Источники финансирования стартапов // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 4-2 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-finansirovaniya-startapov> (дата обращения: 06.08.2022).
15. Петренко В.А., Демьяненко Н.Г., Крюкова А.А. Методологии управления стартап-проектами // Проблемы экономики и менеджмента. 2017. №1 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologii-upravleniya-startap-proektami> (дата обращения: 06.08.2022).
16. Прошина Л.Н. Проблемы развития ит-стартапов в России // Научные записки молодых исследователей. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-it-startapov-v-rossii> (дата обращения: 06.08.2022).
17. Тележенкова М.Д., Забкова Е.О. Оценка факторов эффективности стартапов // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. №12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-faktorov-effektivnosti-startapov> (дата обращения: 06.08.2022).
18. Фролова К.А. Проблемы реализации стартапов в РФ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-startapov-v-rf> (дата обращения: 06.08.2022).
19. Школик О.А., Бабкина Е.В. Стартапы в России, их финансирование // Вопросы науки и образования. 2017. №6 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/startapy-v-rossii-ih-finansirovanie> (дата обращения: 06.08.2022).
20. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова и др.; отв. ред. О.В. Гутников; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Статут, 2021. – 528 с.
21. Кукулинская А.Е., Юрзинова И.Л. Инновационная политика китайских транснациональных корпораций // Московский экономический журнал. 2021. № 6. С. 555–562.
22. Объединяем стартапы, корпорации и инвесторов. URL: <https://sberunity.ru/> (дата обращения: 06.08.2022).
23. Сбер открывает доступ к SberUnity – первой в России открытой платформе для объединения участников венчурного рынка. URL: <https://press.sber.ru/publications/sber-otkryvaet-dostup-k-sberunity-pervoi-v-rossii-otkrytoi-platforme-dlia-obedineniia-uchastnikov-venchurnogo-rynka> (дата обращения: 06.08.2022).

24. Связь встает с поколен: в России решили развивать формат 6G, минуя стадию 5G. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5481106?from=top_main_1 (дата обращения: 06.08.2022).

25. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. – Москва: ИЗиСП, НОРМА, 2022. С. 44.

26. Савина В.С. Искусственный интеллект и современное искусство: проблемы и перспективы // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 10–16.

27. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование оборота невзаимозаменяемых токенов: проблемы и перспективы // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 64–75.

28. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111–119.

29. Гринева О.В. Невзаимозаменяемые токены (NFT) и цифровые финансовые активы: проблемы теории // Всероссийские студенческие Ломоносовские чтения. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 253–260.

30. Коданева С.И. Трансформация интеллектуальной собственности под влиянием развития искусственного интеллекта // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2 (4). С. 137.

References

1. Viki Tendayi. Corporate startup: how to create an innovative ecosystem in a large company: / Tendayi Viki, Dan Toma, Esther Gons; [translated from English by Natalia Likhacheva]. Moscow: *Alpina Publisher*, cop. 2021. 286 p. (in Russ.).

2. Draper William. Startups: professional games of Silicon Valley [translated from English] / William Draper; foreword by E. Schmidt; [translated from English by V. Egorov]. Moscow: *Eksmo Publ.*, 2012. 378 p. (in Russ.).

3. Kawasaki Guy. Startup according to Kawasaki: proven methods for starting any business: / Guy Kawasaki; translation from English: [D. Glebov]. Moscow: *Alpina Publisher*, 2016. 329 p. (in Russ.).

4. Cooper Brent. Startup around the client: how to build a business right from the very beginning / Brent Cooper and Patrick Vlaskovits; trans. from English by Varvara Kulaeva. Moscow: *Mann, Ivanov and Ferber Publ.*, 2012. 67 p. (in Russ.).

Russ.).

5. Kathleen Katherine. *Startup Management: How to Lead a Company at Different Stages of Growth* / Katherine Kathleen, Jayna Matthews; trans. from English by Yulia Kornilovich. Moscow: *Mann, Ivanov and Ferber Publ.*, 2011. 173 p. (in Russ.).

6. Feld Brad. *Attracting Investments to a Startup: How to Agree with an Investor on Financing Terms* / Brad Feld, Jason Mendelson; trans. from English by Sergei Filin. Moscow: *Mann, Ivanov and Ferber Publ.*, 2013. 281 p. (in Russ.).

7. Harnish Vern. *Rules for profitable startups: how to grow and make money* / Vern Harnish; trans. from English by V. Khozinsky. Moscow: *Mann, Ivanov and Ferber Publ.* 2012. 279 p. (in Russ.).

8. Gorny A.A. *Startup: how to start from scratch and change the world: insights from the former director of strategy and analysis of mail.ru group* / Alexander Gorny. Moscow: *Bombora Publ.* 2019. 316 p. (in Russ.).

9. Evseychev A.I. *Fundamentals of Startup Management: an electronic teaching aid for students in the field of 080200.62 "Management" of full-time and part-time education: an educational multimedia electronic publication of comprehensive distribution* / A.I. Evseychev; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution "Tambov State Technical University". Tambov: *TSTU Publ.*, 2014 (in Russ.).

10. Itsakov E.D. *Educational and methodological manual for conducting the educational and practical course "Startup as a Project"* / E.D. Itsakov; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow: *Delo Publ.* 2021. 23 p. (in Russ.).

11. Markushina N.Yu. *Startup: a course for beginners*. St. Petersburg: 2022. 234 p. (in Russ.).

12. Yankovsky R.M. *Startup law: a tutorial on the online course "Legal support for startups": [legal questions of Russian startups and answers to them]* / Roman Yankovsky. Moscow: *Startup Publ.*, cop. 2017. 188 p. (in Russ.).

13. Burdukovsky V.N. *Problems of startup development*. *Skif*. 2019. No. 12-1 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-startapa> (date of access: 06.08.2022) (in Russ.).

14. Nazarenko A.S. *Sources of startup financing*. *Eurasian Union of Scientists*. 2015. No. 4-2 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-finansirovaniya-startapov> (date of access: 06.08.2022) (in Russ.).

15. Petrenko V.A., Demyanenko N.G., Kryukova A.A. *Methodologies for managing startup projects*. *Problems of Economics and Management*. 2017. No. 1 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologii-upravleniya-startap-proektami> (date of access: 06.08.2022) (in Russ.).

16. Proshina L.N. Problems of developing IT startups in Russia. *Scientific notes of young researchers*. 2017. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-it-startapov-v-rossii> (date of access: 06.08.2022) (in Russ.).
17. Telezhenkova M.D., Zabkova E.O. Assessment of factors of startup efficiency. *Economy and business: theory and practice*. 2018. No. 12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-faktorov-effektivnosti-startapov> (date of access: 06.08.2022) (in Russ.).
18. Frolova K.A. Problems of Implementing Startups in the Russian Federation. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2015. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-startapov-v-rf> (date of access: 06.08.2022) (in Russ.).
19. Shkolik O.A., Babkina E.V. Startups in Russia, their financing. *Issues of science and education*. 2017. No. 6 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/startapy-v-rossii-ih-finansirovanie> (date of access: 06.08.2022) (in Russ.).
20. Modern corporate law: current problems of theory and practice: monograph / O. A. Belyaeva, S. A. Burlakov, M. M. Vildanova et al.; ed. O. V. Gutnikov; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: *Statut Publ.*, 2021. 528 p. (in Russ.).
21. Kukulinskaya A.E., Yurina I.L. Innovation policy of Chinese transnational corporations. *Moscow Economic Journal*. No. 6 2021, pp. 555–562 (in Russ.).
22. . Uniting startups, corporations and investors. URL: <https://sberunity.ru/> (date of access: 06.08.2022) (in Russ.).
23. Sber opens access to SberUnity – the first open platform in Russia for uniting venture market participants. URL: <https://press.sber.ru/publications/sber-otkryvaet-dostup-k-sberunity-pervoi-v-rossii-otkrytoi-platfome-dlia-obedineniia-uchastnikov-venchurnogo-rynka> (date of access: 06.08.2022) (in Russ.).
24. Communication rises from generation to generation: Russia decided to develop the 6G format, bypassing the 5G stage. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5481106?from=top_main_1 (in Russ.).
25. Digital economy: current areas of legal regulation: scientific and practical manual / M.O. Dyakonova, A.A. Efremov, O.A. Zaitsev et al.; edited by I.I. Moscow: IZiSP, *NORMA Publ.*, 2022. P. 44 (in Russ.).
26. Savina V.S. Artificial intelligence and contemporary art: problems and prospects // *Law and business*. 2021. No. 3. P. 10 (in Russ.).
27. Churilov A.Yu. Legal regulation of the circulation of non-fungible tokens: problems and prospects. *Business and Law*. 2022. No. 1. P. 64–75 (in Russ.).

28. Vasilevskaya L.Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law. *Actual problems of Russian law*. 2019. No. 5. pp. 111–119 (in Russ.).

29. Grineva O.V. Non-fungible tokens (NFT) and digital financial assets: problems of theory. *All-Russian student Lomonosov readings*. Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference. Petrozavodsk, 2022. P. 253 (in Russ.).

30. Kodaneva S.I. Transformation of intellectual property under the influence of the development of artificial intelligence. *Social innovations and social sciences*. 2021. No. 2 (4). P. 137 (in Russ.).

Статья поступила 03.02.2025, принята к публикации: 25.03.2025.

© Ипполитов С.С., Ищенко А.А., Трофимова А.Х., 2025

Научная статья

УДК: 347.77

Возможности национализации интеллектуальных прав

Олег Витальевич Ревинский,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Кандидат юридических наук, профессор кафедры Патентного права и
правовой охраны средств индивидуализации

o_revinski@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2566-8958>

Аннотация. В статье анализируется конкретный пример национализации частного имущества в ходе Кубинской революции 1950-х годов. Рассматривается также аналогия нормы об использовании запатентованного результата интеллектуальной деятельности без согласия правообладателя в случае угрозы общественным интересам с нормой о национализации частной собственности. Сделан вывод о возможности сведения принципов национализации к механизму обобществления объектов интеллектуальных прав.

Ключевые слова: национализация, интеллектуальные права, использование без согласия правообладателя, аналогия права.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Зарубежный опыт национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте ответных мер санкционной политики» (6-ГЗ-2023).

Для цитирования: Ревинский О.В. Возможности национализации интеллектуальных прав // IP: теория и практика. 2025. № 1.

Original article

Possibilities of nationalization of intellectual rights

Oleg V. Revinskiy,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

PhD in Law, Professor of the Department of Patent Law and Legal protection of
means of individualization

o_revinski@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2566-8958>

Abstract. The article analyzes a concrete example of nationalizing a private property during the Cuba revolution. Also considered is the analogy of norm on using a patented result of intellectual activity without an agreement of the rightholder in the case of danger for public interest with the norm on nationalizing a private property. A conclusion has been made on possibility for reducing nationalization principles to a mechanism of socializing objects of intellectual rights.

Key words: nationalization, intellectual rights, using without agreement of rightholder, analogy of law.

Funding: The study was carried out within the framework of the research project “Foreign experience of nationalization of intellectual property objects in the context of countermeasures of the sanctions policy” (6-GZ-2023).

For citation: Revinskiy O.V. Possibilities of nationalization of intellectual rights // IP: theory and practice. 2025. № 1.

Введение

Изучению возможностей национализации интеллектуальных прав посвящены монографии [1–5]. В этих работах показано, в частности, что принцип национализации неприменим напрямую к интеллектуальным правам, однако эти права могут быть ограничены тем или иным образом. Настоящая статья посвящена тому, как все же может осуществляться национализация интеллектуальных прав.

Методы

В процессе исследования были использованы методы анализа и синтеза материала.

Основное исследование

Для начала следует четко определить, что же представляет собой такое явление, как национализация.

Как отмечено в одной из упомянутых монографий, в отличие от признания государством частных имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, национализация представляет собой отмену таких частных прав. Такая отмена

«должна осуществляться государством в интересах общества, т.е. граждан данного государства. Под этим углом зрения и следует рассматривать национализацию объектов интеллектуальных прав. Таким образом, одним из оснований, на котором должна базироваться методология исследования столь сложного явления, как национализация, даже главным основанием этой методологии является направленность национализации на умножение общественной пользы» [1, с. 101].

Указанная направленность национализации должна быть основана на всестороннем учете тех преимуществ и потерь, которые получает и может получить общество в ходе осуществляемой национализации. Здесь весьма показателен пример Кубы, где после революции 1953–1959 гг. началась национализация иностранных компаний. 7 августа 1960 г. лидер Кубинской революции Фидель Кастро объявил о национализации всех американских предприятий в ответ на «американскую экономическую агрессию», приняв «Декрет № 1 о национализации путем принудительной экспроприации предприятий и собственности американских компаний на Кубе» (далее – Декрет № 1).

Но еще до упомянутого Декрета № 1 на Кубе были национализированы предприятия, принадлежавшие кубинским собственникам. В частности, в 1959 г. было национализировано предприятие по изготовлению рома Havana Club. Напомним, что ром производится из сахарного тростника, а Куба является одним из ведущих его производителей. Предприятие, выпускавшее ром Havana Club, было основано еще в 1930 г., и через некоторое время был зарегистрирован соответствующий товарный знак. После национализации предприятия Havana Club в 1959 г. семья Арчабала – собственника этого предприятия и обладателя права на товарный знак – покинула Кубу.

В 1976 г. правительство Республики Куба перерегистривало на себя товарный знак «Havana Club», поскольку срок предыдущей регистрации истек. В 1993 г. кубинская компания Cubaexport, относящаяся к государственным организациям, подписала партнерское соглашение с французской фирмой

Pernod Ricard, крупнейшим производителем алкоголя. Было налажено совместное производство известного рома Havana Club и его коммерциализация. А в 1994 г. компания Bacardi, также производившая раньше ром на Кубе, приобрела у семьи Арчабала права на товарный знак «Havana Club» в США и наладила производство этого рома в Пуэрто-Рико. С тех пор не утихает война между компаниями Bacardi и Cubaexport по поводу товарного знака «Havana Club» [6].

В декабре 2024 г. уходящий в отставку президент США Джо Байден подписал закон No Stolen Trademarks Honored in America Act of 2023 [7], известный как «Закон Бакáрди» и направленный на защиту прав на товарные знаки, якобы конфискованные кубинским правительством с 1959 г. Как следует из вышеприведенных сведений, ни конфискации, ни национализации товарного знака «Havana Club» на деле не произошло. Поэтому кубинские власти назвали этот закон «новой односторонней карательной мерой, которая усиливает блокаду против кубинской экономики». Министерство иностранных дел Республики Куба официально заявило, что принятие этого закона «наносит новый удар по международной системе охраны промышленной собственности, подтверждая пренебрежение Соединенных Штатов к учреждениям международного права, в частности, к Соглашению о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности и Парижской конвенции по охране промышленной собственности». В то же время кубинские власти «всегда действовали в строгом соответствии с международными соглашениями, касающимися интеллектуальной собственности, участниками которых являются Куба и США. В настоящее время в Кубе зарегистрировано и охраняется 6448 американских брендов.

Эта информация лишний раз подтверждает невозможность прямого применения принципа национализации к объектам интеллектуальных прав. Обратим внимание, что кубинские власти прямо указывают на приверженность международному праву, тогда как даже выражение *Stolen Trademarks* – буквально «украденные товарные знаки» в названии

упомянутого американского закона свидетельствует о неверном понимании командой предыдущего президента США сути отношений, касающихся товарных знаков.

Продолжая рассмотрение вопроса о национализации на Кубе, необходимо отметить, что именно пример Кубы можно использовать для разработки режимов и моделей национализации интеллектуальной собственности. Для этого обратимся еще к одной публикации.

По сообщению телерадиокомпании Marti [8], со времен Кубинской революции на середину 2015 г. в управление США по контролю за активами за рубежом поступило около 6000 претензий от американских компаний, граждан США и эмигрировавших кубинцев по поводу экспроприированной или утерянной собственности на Кубе, суммарная оценка которой составляет \$7–8 млрд. В свою очередь, кубинские власти настаивают на получении компенсации примерно в \$100 млрд за более чем полувековую финансово-экономическую блокаду со стороны США. Иными словами, убытки кубинского государства от введенных Соединенными Штатами санкций против Кубы во много раз превосходят потери частных собственников от национализации их активов на Кубе.

Представляется, что именно такой взвешенный подход требуется взять на вооружение в вопросе национализации интеллектуальной собственности в нашей стране по следующим соображениям.

Санкции, введенные западными странами против России, привели к тому, что многие западные компании покинули российский рынок, прекратив продажу своих товаров и оказание сопутствующих услуг. Однако такой физический уход этих компаний не сопровождался их, так сказать, виртуальным уходом, поскольку не повлек за собой удаления из российского правового поля зарегистрированных на имя этих компаний соответствующих объектов интеллектуальных прав – изобретений, товарных знаков, географических указаний и т.п. Хотя пошлины за поддержание в силе некоторых патентов, выданных в РФ иностранным патентообладателям,

перестали уплачиваться, в большинстве своем такие патенты, выданные в нашей стране западным компаниям, все еще продолжают действовать. Вследствие этого отечественные производители, которые могли бы воспользоваться сведениями из этих патентов для выпуска раскрытой в них продукции (например, запчастей к поставленной ранее технике), вынуждены искать обходные пути вроде параллельного импорта той же продукции из третьих стран либо тратить силы и время на разработку собственных технических решений такой же направленности.

Понятно, что национализация подобных объектов интеллектуальных прав положительно сказалась бы на работе таких отечественных производителей. Однако это могло бы привести к снижению инвестиционной привлекательности России для возможных инвесторов из третьих стран, которые стали бы опасаться приходить на российский рынок как раз из-за совершившейся национализации интеллектуальной собственности, которую Россия теоретически могла бы применить и к этим возможным инвесторам.

К тому же не стоит упускать из виду, что некоторые ушедшие с нашего рынка компании сознательно поддерживают свои права по патентам или свидетельствам в России, оставляя для себя возможность впоследствии вернуться на российский рынок [9].

Как уже отмечено выше, принцип национализации неприменим напрямую к объектам интеллектуальных прав. Это связано с тем, что национализация, согласно третьему абзацу подп. 9 п. 2 ст. 235 ГК РФ, определяется как «обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц». При этом под имуществом в ст. 235 ГК РФ «Основания прекращения права собственности» понимаются только и исключительно те объекты, которые являются материальными, т.е. вещи, земля, сооружения и т.п. Интеллектуальная же собственность, т.е. охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 128 ГК РФ), являются идеальными объектами, которые не обладают оборотоспособностью и не

могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому (п. 4 ст. 129 ГК РФ).

Вместе с тем вполне уместно обратиться к норме, содержащейся в ст. 1360 ГК РФ:

«1. Правительство Российской Федерации имеет право в случае крайней необходимости, связанной с обеспечением обороны и безопасности государства, охраной жизни и здоровья граждан, принять решение об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации.

2. Методика определения размера компенсации и порядок ее выплаты утверждаются Правительством Российской Федерации».

В приведенной цитате специально выделены условия, при которых возможно использование запатентованного объекта без согласия патентообладателя. Это те случаи, которые напрямую связаны с благополучием граждан и безусловно отвечают общественным интересам.

Как известно, термин «национализация» имеет в своей основе слово «нация». Согласно [10], под этим словом (от лат. *patio* – народ, племя) в современной социальной науке и праве понимаются два типа человеческих сообществ: совокупность граждан одного государства (политическая, или гражданская, нация) и этническая общность (этническая нация, этнонация, культурная нация). Очевидно, что тематике настоящей статьи соответствует первое из приведенных определений. То есть термин «национализация» следует понимать как мероприятие, проводимое в интересах граждан того государства, которое осуществляет данную национализацию.

Следовательно, использование запатентованного объекта без согласия патентообладателя в условиях, указанных в ст. 1360 ГК РФ, по своей предназначенности – в соответствии с общественными интересами – аналогично национализации вещной собственности. Поэтому в данном случае вполне уместно применить аналогию права (п. 2 ст. 6 ГК РФ) и приравнять к

национализации использование любых объектов интеллектуальных прав, осуществляемое в общественных интересах, т.е. обобществление интеллектуальной собственности.

Как отмечено в работе [5, с. 62–63], национализация, являющаяся бесспорной прерогативой суверенного государства и определяемая его внутренним правом, должна осуществляться с целью, которая отвечает общественным интересам. Таким образом, по аналогии права, использование объектов интеллектуальных прав без согласия правообладателя тоже должно служить интересам всего народа, т.е. общественным интересам. Именно учет общественных интересов следует считать главным основанием при рассмотрении вопроса о том, нужно ли обобществлять тот или иной объект интеллектуальных прав, принадлежащих лицу, покинувшему российский рынок в связи с санкциями, наложенными на Россию западным сообществом.

Уход с российского рынка конкретного западного производителя, обладающего к тому же интеллектуальными правами на какой-либо запатентованный или зарегистрированный в России объект, может угрожать безопасности страны или здоровью граждан. Например, этот уход может сделать невозможным приобретение выпускаемого этим производителем лекарства, либо ограничить применение распространяемого этим производителем программного обеспечения, необходимого для функционирования приобретенного государством оборудования. Во всех подобных случаях встает вопрос об использовании объекта интеллектуальных прав, принадлежащих этому производителю.

Национализация частной собственности, как указано в третьем абзаце подп. 9 п. 2 ст. 235 ГК РФ, производится на основании закона. Следовательно, и по поводу обобществления интеллектуальной собственности, по аналогии, тоже необходимо принятие соответствующего закона. Та же норма требует, чтобы собственнику национализируемого имущества была возмещена стоимость этого имущества и другие убытки от принятия закона о национализации этого имущества. Значит, и в случае обобществления

интеллектуальной собственности, по аналогии, правообладателю этой интеллектуальной собственности необходимо возместить ее стоимость и иные связанные с этим убытки.

А вот здесь самое время вспомнить о рассмотренном выше опыте Кубы. То есть рассматривать не только стоимость объекта интеллектуальных прав, используемого без согласия правообладателя, но и те убытки, которые возникают вследствие ухода этого правообладателя с рынка, не прекращающего, тем не менее, действие принадлежащих ему интеллектуальных прав на территории нашей страны. Назовем такие, условно говоря, «национализируемые» объекты критически важными для государства (иначе ведь не шла бы речь об их использовании без согласия правообладателя).

Разумеется, расчет такого баланса не будет легкой задачей. При этом придется учитывать рыночную стоимость самого критически важного объекта интеллектуальных прав, но также и те убытки, которые понесет Россия от ухода этого объекта с нашего рынка и его замены. И нужно понимать, что такая замена должна произойти достаточно быстро, чтобы не повлиять существенным образом на безопасность страны либо на поддержание здоровья граждан. Конечно, нужно учесть и тот факт, что при выводе из России конкретного производства многие россияне теряют работу, а это тоже включается в государственные убытки. А из рыночной стоимости критически важного объекта следовало бы вычесть те доходы, которые ушедший с отечественного рынка производитель получил за реализацию на этом рынке своих товаров или услуг за все время его пребывания на этом рынке. И если подсчитанный таким образом баланс (разумеется, с подробным обоснованием всех расчетов) окажется все же в пользу правообладателя, возмещение ему от подобной квазинационализации правильнее всего осуществлять перечислением на рублевый счет, открытый на имя этого правообладателя.

В противном случае, когда ушедший правообладатель окажется еще и должен Российской Федерации, он вряд ли будет оплачивать предъявленный

ему счет. Тем не менее счет этот предъявить необходимо, чтобы не давать повода для обвинения нашего государства в присвоении чужого товарного знака или изобретения.

Заключение

Как итог сказанному, можно повторить, что принцип национализации неприменим в явном виде к интеллектуальной собственности, включающей в себя идеальные объекты. Однако нормы об использовании запатентованных результатов интеллектуальной деятельности без согласия патентообладателя в случае угрозы общественным интересам вполне могут быть применены по аналогии с нормами о национализации частной (материальной) собственности – при обязательном соблюдении надлежащего законного порядка и с выплатой адекватной компенсации. Вот только расчет этой компенсации должен проводиться с учетом как стоимости исключительного права на «национализируемый» объект, так и всех тех убытков, которые создает уход правообладателя этого объекта с российского рынка.

Список источников

1. Аракелова А.О. и др. Методология исследования национализации интеллектуальной собственности: монография. – М.: Юрсервитум, 2023. 152 с.
2. Ларина Т.Ю. и др. Анализ состояния нормативных правовых актов, государственных программ/проектов, механизмов национализации объектов интеллектуальной собственности в зарубежных государствах: монография. – Москва: Юрсервитум, 2023. 118 с.
3. Аракелова А.О. и др. Правовые режимы и модели национализации интеллектуальных прав в государствах глобального Юга: монография. – Москва: Юрсервитум, 2024. 94 с.
4. Голубев Е.В. и др. Правовые режимы и модели национализации прав на интеллектуальную собственность на примерах государств глобального Севера: монография. – Москва: Юрсервитум, 2024. 76 с.
5. Ревинский О.В. Правовая охрана и национализация прав на средства индивидуализации товаров в зарубежных государствах: монография. – Москва: Юрсервитум, 2024. 94 с.

6. Havana Club (Гавана Клуб). АлкоФан: сайт ценителей спиртных напитков (02.07.2024). URL: <https://alcofan.com/marka-roma-gavana-klab.html> (дата обращения: 10.03.2025).

7. Кубинский режим высказывается против закона США, который затрагивает их товарные знаки. Cibercuba: сайт (10.12.2024). URL: <https://ru.cibercuba.com/noticias/2024-12-10-u1-e199894-s27061-nid293568-regimen-cubano-pronuncia-contraley-eeuu-afecta-sus> (дата обращения: 10.03.2025).

8. Пострадавшие от национализации на Кубе оценили свои потери в \$7–8 млрд. Политика: сайт (20.07.2015). URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/55acdfb49a7947511453422d> (дата обращения: 10.03.2025).

9. Почему владельцы западных брендов, которые ушли с российского рынка, продолжают подавать иски об авторских правах. Русбейс: сайт (27.12.2023). URL: <https://rb.ru/opinion/iski-ob-avtorskih-pravah/> (дата обращения 12.03.2025).

10. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/natsiia-098567> (дата обращения 12.03.2025).

References

1. Arakelova A.O. et al. *Metodologiya issledovaniya natsionalizatsii intellektual'noy sobstvennosti = Methodology for researching the nationalization of intellectual property*. – Moscow. Yurservitum Publ. 2023. 152 p. (in Russ.).

2. Larina T.Yu. et al. *Analiz sostoyaniya normativnykh pravovykh aktov, gosudarstvennykh programm/proyektov, mekhanizmov natsionalizatsii ob'yektov intellektual'noy sobstvennosti v zarubezhnykh gosudarstvakh = Analysis of the status of regulatory legal enactments, state programs/projects, mechanisms of nationalizing objects of intellectual property in foreign states*. – Moscow. Yurservitum Publ. 2023. 118 p. (in Russ.).

3. Arakelova A.O. et al. *Pravovyye rezhimy i modeli natsionalizatsii intellektual'nykh prav v gosudarstvakh global'nogo Yuga = Legal regimes and models of nationalizing intellectual rights in global South states*. – Moscow. Yurservitum Publ. 2024. 94 p. (in Russ.).

4. Golubev E.V. et al. *Pravovyye rezhimy i modeli natsionalizatsii prav na intellektual'nuyu sobstvennost' na primerakh gosudarstv global'nogo Severa = Legal regimes and models of nationalizing rights on intellectual property by the example of global North states*. – Moscow. Yurservitum Publ. 2024. 76 p.

5. Revinskiy O.V. *Pravovaya okhrana i natsionalizatsiya prav na sredstva individualizatsii tovarov v zarubezhnykh gosudarstvakh = Legal safeguard and nationalization of rights on means for individualizing goods in foreign states.* – Moscow. *Yurservitum Publ.* 2024. 94 p. (in Russ.).

6. Havana Club. AlkoFan – Site of lovers of spirit beverages (02.07.2024). URL: <https://alcofan.com/marka-roma-gavana-klab.html> (date of access 10.03.2025) (in Russ.).

7. Cuba regime declare against the USA law that touch their trademarks. Site CiberCuba (10.12.2024). URL: <https://ru.cibercuba.com/noticias/2024-12-10-u1-e199894-s27061-nid293568-regimen-cubano-pronuncia-contra-ley-eeuu-afecta-sus> (date of access 10.03.2025) (in Russ.).

8. Losers by nationalization at Cuba estimates their losses in \$7–8 billions. Site *Politica* (20.07.2015). URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/55acdfb49a7947511453422d> (date of access: 10.03.2025) (in Russ.).

9. Why Western brands owners that have gone away from the Russian market continue to file lawsuits on author's rights. Site *Rusbeis* (27.12.2023). URL: <https://rb.ru/opinion/iski-ob-avtorskih-pravah/> (date of access: 12.03.2025).

10. Big Russian Encyclopedia. URL: <https://bigenc.ru/c/natsiia-098567> (date of access: 12.03.2025) (in Russ.).

Статья поступила 13.03.2025, принята к публикации: 18.03.2025.

© Ревинский О.В.

Научная статья
УДК 338.486.1.025.

Злоупотребление патентными правами и практика принудительного лицензирования в РФ

Павел Сергеевич Корнеев,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Аналитик Международного центра компетенций «АйПи»
p.korneev@rgiis.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0203-6819>

AuthorID: 1106371

Аннотация. В статье рассматривается проблема злоупотребления патентными правами в России и анализируется практика применения принудительного лицензирования как инструмента борьбы с этим явлением; исследуются основания для выдачи принудительной лицензии, сложности доказывания злоупотреблений, а также эффективность существующих механизмов.

Ключевые слова: патентные права, злоупотребление патентным правом, принудительное лицензирование, интеллектуальная собственность, ст. 1362 ГК РФ.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Принудительное лицензирование по мотивам государственного, общественного и иного публичного интереса: правовой и социально-экономический аспект» (5-ГЗ 2023).

Для цитирования: Корнеев П.С. Злоупотребление патентными правами и практика принудительного лицензирования в РФ// IP: теория и практика. 2025. № 1 (9).

Original article

Abuse of patent rights and the practice of compulsory licensing in the russian federation

Pavel S. Korneev,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Analyst of the International Competence Center "IPI"

<https://orcid.org/0000-0003-0203-6819>

AuthorID: 1106371

p.korneev@rgiis.ru

Abstract. The article examines the problem of abuse of patent rights in Russia and analyzes the practice of using compulsory licensing as a tool to combat this phenomenon; the grounds for issuing a compulsory license, the difficulties of proving abuse, and the effectiveness of existing mechanisms are examined.

Key words: patent rights, abuse of patent rights, compulsory licensing, intellectual property, 1362 of the Civil Code of the Russian Federation.

Funding: The study was carried out within the framework of the research work “Compulsory licensing based on state, public and other public interests: legal and socio-economic aspect” (5-GZ 2023).

For citation: Korneev P.S. Abuse of patent rights and the practice of compulsory licensing in the Russian Federation // IP: theory and practice. 2025. No. 1 (9).

Введение

Актуальность данной темы обусловлена тем, что сегодня злоупотребление патентными правами чаще всего связано с недобросовестным использованием исключительных прав в конкурентной борьбе, ограничением доступа к технологиям и получением дополнительной прибыли от монопольной деятельности. Указанные факторы оказывают негативное воздействие на развитие инноваций и нарушают баланс интересов участников экономических, и, как следствие, социальных отношений, лишая потребителей доступа к инновационным товарам и возможности выбора. В связи с этим особую важность приобретает эффективное противодействие таким злоупотреблениям, одним из инструментов которого выступает институт принудительного лицензирования [1].

Методы

Для исследования вопросов государственного регулирования служебных объектов патентного права использовались методы анализа, в том

числе анализа документов, сопоставительного и сравнительно-правового анализа. Метод обобщения использован для формулирования выводов.

Основное исследование

Практика принудительного лицензирования представляется необходимой мерой, которая применяется для предотвращения злоупотреблений исключительным правом и обеспечения баланса интересов общества и патентообладателя. В целом существующая практика передачи и отчуждения исключительных прав осуществляется [2] посредством:

- отчуждения по договору другому лицу (п. 1 ст. 1233 ГК РФ);
- публичного сообщения неопределенному кругу лиц о праве использования объекта интеллектуальной собственности любому (или определенному кругу лиц) лицу на указанных в сообщении условиях (п. 5 ст. 1233 ГК РФ);
- иными не запрещенными законом способами, в т.ч. в порядке универсального правопреемства (п. 1 ст. 1233 ГК РФ, ст. 1241 ГК РФ);
- принудительной лицензии (в принудительном порядке по решению суда; ст. 1239 ГК РФ).

Фактически можно говорить о злоупотреблении правом, т.е. использование законных прав и преимуществ для личной выгоды, противоречащее изначальному законодательному замыслу. Это происходит, когда обладатель права выходит за рамки разумного, причиняя вред другим лицам, обществу или государству. Иллюстрацией может служить завышенное требование компенсации за нарушение договора, несоизмерное реальному ущербу, злоупотребление патентными правами¹.

Одним из таких оснований является необоснованный отказ патентообладателя от заключения лицензионного договора на коммерчески разумных условиях. Это происходит, когда владелец патента, имея

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1808-О.

возможность предоставить лицензию, уклоняется от заключения договора или выдвигает неприемлемые условия, препятствуя использованию изобретения другими лицами. Например, когда компания разработала инновационный препарат от редкой болезни, но отказывается лицензировать его производство, выдвигая неразумные финансовые требования к другим компаниям. Это ограничивает доступ пациентов к необходимому лекарству и может быть расценено как необоснованный отказ от заключения лицензионного договора на коммерчески разумных условиях [3].

Другой вид злоупотребления, служащий основанием для принудительного лицензирования, – это неиспользование или недостаточное использование патента [4]. Если запатентованное изобретение не используется или используется в объеме, явно недостаточном для удовлетворения потребностей рынка, это может рассматриваться как злоупотребление, поскольку блокирует развитие соответствующей отрасли и ограничивает доступ потребителей к новым технологиям. Принудительная лицензия в таком случае позволяет другим участникам рынка внедрить изобретение и обеспечить его доступность.

Кроме того, основанием для принудительного лицензирования может стать создание искусственного дефицита товара, охраняемого патентом. Это происходит, когда патентообладатель намеренно ограничивает производство и предложение товара на рынке с целью поддержания завышенных цен, извлечения сверхприбыли и ограничения конкуренции. Принудительное лицензирование в этой ситуации позволяет увеличить предложение товара на рынке, снизить цены и обеспечить доступность для потребителей. Важно подчеркнуть, что все перечисленные виды злоупотреблений должны быть доказаны в судебном порядке для выдачи принудительной лицензии.

Для многих людей сфера интеллектуальной собственности выглядит сложной и специфичной. Объем и элитарность правоотношений, связанных с патентами, «защитой и коммерциализацией исключительных прав, а также значительные государственные инвестиции в инновации, создают среду, где

недостаток знаний и компетенции у отдельных лиц становится благодатной почвой для злоупотреблений» [5].

Злоупотребление патентными правами – многогранный феномен, выходящий за рамки простого нарушения правовых норм. На уровне патентного права это сложная система правоотношений с ярко выраженной экономической составляющей. Возможность стоимостной оценки исключительного права, являющегося по сути имущественным, подчеркивает экономическую природу этих отношений. Подробно некоторые аспекты управления объектами интеллектуальной собственности и вопросы необходимости их правовой охраны активно исследуются в различных отраслях права.

Тот факт, что предпосылки злоупотребления правом зачастую лежат за пределами сугубо юридической сферы, требует переосмысления причин возникновения подобных действий. Злоупотребления обнаруживаются в реальной жизни, в силу сложности, продолжительности и латентности, и очевидно, что они затрагивают целые кластеры общественных отношений, не всегда напрямую связанных с правом, хотя и находящиеся в тесной взаимосвязи с ним.

В этой связи принудительное лицензирование выступает достаточно эффективным инструментом противодействия злоупотреблениям патентным правом, позволяющим тем самым сбалансировать интересы патентообладателей и общества. К сожалению, российская практика применения принудительного лицензирования по данным основаниям остается малоизученной и требует дальнейшего анализа для повышения эффективности этого механизма [5].

Анализ норм Гражданского кодекса РФ, регулирующих институт принудительного лицензирования, позволяет выявить особенности применения данного механизма в контексте борьбы со злоупотреблением патентными правами. Ключевые положения содержатся в ст. 1362 ГК РФ. Согласно данной статье, принудительная лицензия может быть предоставлена

заинтересованному лицу на использование изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя в случаях, предусмотренных законом.

В частности, п. 1 ст. 1362 ГК РФ устанавливает возможность выдачи принудительной лицензии, если патентообладатель не использует или недостаточно использует изобретение, полезную модель или промышленный образец в течение четырех лет со дня государственной регистрации соответствующего результата интеллектуальной деятельности. Это положение направлено на предотвращение ситуации, когда патент «простаивает», препятствуя развитию технологий и конкуренции.

Пункт 2 ст. 1362 ГК РФ предусматривает выдачу принудительной лицензии, если патентообладатель не может использовать изобретение, полезную модель или промышленный образец без нарушения прав другого патентообладателя, которому принадлежит более ранний патент. Эта норма решает проблему «блокирующих» патентов, когда использование более позднего изобретения невозможно без использования более раннего.

Кроме того, ст. 1362 ГК РФ содержит положения о выдаче принудительных лицензий в случаях, связанных с обеспечением обороны и безопасности страны, охраной жизни и здоровья граждан, а также с другими общественно значимыми целями. Важно отметить, что принудительная лицензия не является безвозмездной: патентообладателю выплачивается соразмерная компенсация.

В целом нормы ГК РФ, касающиеся принудительного лицензирования, создают правовую основу для противодействия злоупотреблениям патентными правами. Однако практическое применение этих норм затруднено в связи со сложностью доказывания факта злоупотребления, отсутствием четких критериев и недостатком судебной практики.

Можно также сказать, что злоупотребление патентными правами подпадают под понятие «недобросовестное поведение», т.е. это такой вид поведения, который совершается без честных намерений, нарушая принципы

справедливости и честности (скрытые уловки, махинации, обман, замысел уклониться от исполнения обязательств и др.). Недобросовестное поведение может иметь место в различных контекстах, включая деловые отношения, практику лицензирования, оформление патента и другие действия².

Основной недостаток ст. 1362 ГК РФ, как представляется, в том, что она недостаточно конкретизирует и ограничивает перечень оснований для ее выдачи, делая акцент преимущественно на неиспользовании или недостаточном использовании объекта интеллектуальной собственности, упуская такие формы злоупотребления, как отказ от лицензирования на разумных условиях или искусственное создание дефицита. Нечеткость формулировок, например, «недостаточное использование», затрудняет практическое применение статьи.

Поэтому, по нашему мнению, необходимо расширить перечень оснований, включив отказ от лицензирования на справедливых рыночных условиях и создание искусственного дефицита, уточнить критерии «недостаточного использования», возможно, сократить четырехлетний срок неиспользования, упростить процедуру получения лицензии и разработать методику определения «справедливых рыночных условий», что будет способствовать развитию конкуренции и инноваций.

Специфика применения принудительного лицензирования варьируется в зависимости от отрасли. В фармацевтике, где злоупотребления патентными правами особенно распространены и могут ограничивать доступ к жизненно важным лекарствам, принудительное лицензирование рассматривается как инструмент обеспечения общественного здоровья.

В сфере информационных технологий, характеризующейся быстрым развитием и взаимозависимостью технологий, оно может способствовать развитию конкуренции и предотвращению монополизации рынка. В других

² Определение Верховного Суда РФ № 32-КГ14-17 от 03.02.2015. URL: <https://suvorov.legal/zloupotreblenie-pravom/> (дата обращения: 22.02.2025).

отраслях, например, в тяжелой промышленности или энергетике, применение принудительного лицензирования может быть связано с вопросами национальной безопасности и обеспечением доступа к критически важным технологиям. Однако, независимо от отрасли, ключевой проблемой остается сложность доказывания факта злоупотребления и определения разумных коммерческих условий.

В случае доказывания факта злоупотребления патентными правами заявителю необходимо предоставить убедительные доказательства недобросовестного поведения патентообладателя, что зачастую затруднительно в силу конфиденциального характера многих соглашений и сделок.

Таким образом, несмотря на существование правовых механизмов принудительного лицензирования, их эффективность остается недостаточной. Из-за сложной и затратной процедуры получения лицензии, а также риска длительных судебных споров, потенциальные заявители не проявляют к ней интереса. Кроме того, отсутствие четких санкций за злоупотребление патентными правами снижает стимулы для патентообладателей к добросовестному поведению. Для повышения эффективности института принудительного лицензирования необходимо усовершенствовать существующие механизмы, упростить процедуру получения лицензии и разработать более четкие критерии для оценки злоупотребления патентными правами [6].

Заключение

Сегодня важно активизировать правоприменительную практику по делам о принудительном лицензировании, формируя единый подход к толкованию соответствующих норм законодательства, и в этой связи представляется целесообразным разработать методические рекомендации для судов по рассмотрению таких дел, а также проводить регулярный мониторинг эффективности применения института принудительного лицензирования. Повышение прозрачности процесса выдачи принудительных лицензий и

обеспечение публичного доступа к информации о выданных лицензиях также способствовало бы усилению контроля за соблюдением патентного законодательства и предотвращению злоупотреблений.

Принудительное лицензирование обладает потенциалом стать эффективным инструментом борьбы со злоупотреблением патентными правами в РФ, способствуя развитию конкуренции и инноваций, особенно в стратегически важных отраслях. Однако его реализация на практике сталкивается с рядом ограничений, связанных со сложностью доказывания злоупотреблений, недостаточной четкостью законодательства и неразвитостью правоприменительной практики.

Для раскрытия потенциала этого инструмента необходимо совершенствование законодательства, уточнение критериев злоупотребления, упрощение процедуры получения лицензии и формирование единой судебной практики, что позволит сбалансировать интересы патентообладателей и общества в целом.

Список источников

1. Щедрина Н.Д. Назначение принудительной лицензии в гражданском праве / Н. Д. Щедрина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 5 (84). С. 62–64.
2. Слесарев С.А. Вопрос-ответ / С. А. Слесарев // Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2025. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=116652&dst=2> (дата обращения: 12.03.2025).
3. Сасыкин К.Ю. Принудительное лицензирование на фармацевтическом рынке: история и практика / К. Ю. Сасыкин // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 3. С. 267–280. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-267-280>. URL: <https://elibrary.ru/iwgnas> (дата обращения: 20.02.2025).
4. Джермакян В.Ю. Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ» (постатейный) / В. Ю. Джермакян // Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2010. URL:

https://www.gorodissky.ru/upload/articles/Commentary_to_Chapter_72CC.pdf
(дата обращения: 20.02.2025).

5. Корнеев П.С. О предпосылках злоупотребления патентными правами / П. С. Корнеев // Образование и право. 2022. № 9. С. 126.

6. Самгин Ю.С. и др. О злоупотреблении патентным правом и защите от этого в условиях конкурентного взаимодействия / Ю. С. Самгин, Л. П. Тимофеев, Л. Н. Линник, А. Б. Роскин и др. URL: <https://www.a-priority.ru/upload/iblock/498/49847607fa7b554b8e4af9601d28cd12.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).

References

1. Shhedrina N.D. The purpose of a compulsory license in civil law. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i e`konomika; predprinimatel`stvo; pravo i upravlenie. = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management.* 2017. № 5 (84). P. 62–64 (in Russ.).

2. Slesarev S.A. Question and answer / Prepared for the ConsultantPlus 2025 system. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=116652&dst=2СПИ> ConsultantPlus. 2025 (date of access: 12.03.2025) (in Russ.).

3. Sasy`kin K. Yu. Compulsory licensing in the pharmaceutical market: history and practice. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review.* 2022. Т. 19, № 3. P. 267–280. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-3-267-280>. URL: <https://elibrary.ru/iwgnas> (date of access: 20.02.2025) (in Russ.).

4. Dzhermakyan V.Yu. Commentary on Chapter 72 “Patent Law” of the Civil Code of the Russian Federation” (article by article) / V. Yu. Jermakyan // Prepared for SPS “ConsultantPlus”, 2010. https://www.gorodissky.ru/upload/articles/Commentary_to_Chapter_72CC.pdf (date of access: 20.02.2025) (in Russ.).

5. Korneev P.S. On the prerequisites for abuse of patent rights. *Obrazovanie i pravo = Education and Law.* 2022. № 9. P. 126 (in Russ.).

6. Samgin Yu.S., Timofeev L.P., Linnik L.N., Roskin A.B. On the abuse of patent rights and protection against it in conditions of competitive interaction. URL: <https://www.a-priority.ru/upload/iblock/498/49847607fa7b554b8e4af9601d28cd12.pdf> (date of access: 22.02.2025) (in Russ.).

Статья поступила 03.03.2025, принята к публикации: 18.03.2025.

© Корнеев П.С.

Трибуна молодых ученых

Научная статья

УДК 347.77

Анализ дискуссии о соотношении общих и специальных норм в контексте оспаривания интеллектуальных прав

Владислав Игоревич Зеленков,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности,

Москва, Россия

Аспирант

zelenkowladislav@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0009-0465-2886>

SPIN-код: 5007-5951

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к разрешению дискуссионного вопроса о целесообразности существующей системы нормативного регулирования соотношения прав на различные объекты интеллектуальных прав в Гражданском кодексе Российской Федерации. Автор анализирует три основные доктринальные позиции, выделяемые в современной юридической литературе: необходимость кардинальных изменений, предложение точечных корректировок и признание действующих норм гармоничными. В результате исследования делается вывод о преобладании концепции минимального вмешательства в сложившуюся систему, при этом в доктрине предлагаются пути совершенствования нормативного регулирования для обеспечения большей юридической определенности и предсказуемости правоприменительной практики.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, гражданское законодательство, соотношение прав, оспаривание, доктринальные подходы.

Для цитирования: Зеленков В.И. Анализ дискуссии о соотношении общих и специальных норм в контексте оспаривания интеллектуальных прав // IP: теория и практика. 2025. № 1 (9).

Original article

Analysis of the discussion on the relationship between general and special norms in the context of intellectual property rights dispute

V.I. Zelenkov,

Russian state academy of intellectual property,

Moscow, Russia,

Postgraduate student

zelenkowladislav@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0009-0465-2886>

SPIN code: 5007-5951

Abstract. The article discusses approaches to resolving the controversial issue of the expediency of the existing system of regulatory regulation of the relationship of rights to various objects of intellectual property rights in The Civil Code of the Russian Federation. The author analyzes three main doctrinal positions highlighted in modern legal literature: the need for fundamental changes, the proposal of point adjustments and the recognition of existing norms as harmonious. As a result of the study, it is concluded that the concept of minimal interference in the existing system prevails, while the doctrine suggests ways to improve regulatory regulation to ensure greater legal certainty and predictability of law enforcement practice.

Key words: intellectual property, civil legislation, correlation of rights, dispute resolution, doctrinal approaches, law enforcement practice.

For citation: Zelenkov V.I. Analysis of the discussion on the relationship between general and special norms in the context of challenging intellectual property rights // IP: theory and practice. 2025. No. 1 (9).

Введение

В доктрине существуют различные подходы к разрешению проблемы соотношения общих и специальных норм Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), регулирующих вопросы оспаривания интеллектуальных прав. Актуальность исследования обусловлена необходимостью устранения правовой неопределенности, влияющей на эффективность их оспаривания. Существующее различие в доктринальных подходах требует проведения комплексного анализа позиций правоведов и последующего синтеза классификации выявленных подходов, что является целью настоящего исследования. Теоретическая значимость работы заключается в уточнении

правовой природы оспаривания интеллектуальных прав, а практическая значимость – в возможности применения выводов для совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Методы

В ходе исследования использованы общенаучные методы познания, такие как анализ и синтез, а также специальные методы познания. Применен формально-юридический метод для анализа нормативных положений, а также системный подход, позволяющий рассмотреть оспаривание интеллектуальных прав в единой правовой системе. Эмпирическая база основана на изучении доктринальных источников и положений законодательства.

Основное исследование

Вопрос о целесообразности существующего порядка изложения в ГК РФ норм, регулирующих оспаривание интеллектуальных прав, рассматривался в науке гражданского права различными правоведами. Наибольший интерес представляет критика отдельных специальных норм части четвертой ГК РФ.

Например, дискуссия в научной литературе ведется относительно обоснованности расположения п. 9 ст. 1483 в ГК РФ. Положения указанного пункта используются для предотвращения регистрации товарных знаков, которые воспроизводят или имитируют произведения искусства.

Как полагает Е.А. Ариевич, расположение данной нормы, регулирующей соотношение прав на разные объекты интеллектуальных прав, может быть уместнее не в общих положениях, а в специальных. Автор также задается вопросом, почему в явном виде данный принцип не изложен применительно к результатам интеллектуальной деятельности в целом [1].

С.А. Ренжин и Д.А. Рожнова отмечают, что законодателем четко установлены критерии для определения того, насколько известен объект авторского права (п. 7 ст. 1259 ГК РФ), и критерии, на основе которых

выявляются произведения, права на которые можно противопоставлять правам на товарные знаки [2].

Вместе с этим отдельные исследователи, например Д.А. Плотников, вовсе отмечают, что в научной среде до сих пор отсутствует консенсус относительно механизмов разрешения правовых коллизий [3]. Наиболее частым предметом дискуссий в связи с этим становятся вопросы об установлении приоритета одной нормы над другой в конкретных ситуациях правоприменения.

Такая позиция необоснованно игнорирует, что в соответствии с определением Конституционного Суда РФ от 05.10.2000 № 199-О при коллизии норм, регулирующих одни и те же общественные отношения, преимущество должно отдаваться нормам закона, принятого позднее, если в этом законе прямо не указано иное. При этом нормы специального характера имеют приоритет перед общими, что соответствует основным принципам правового регулирования [4].

Можно утверждать, что и в науке также сформировался подход, согласно которому в вопросах оспаривания интеллектуальных прав законодатель в большинстве случаев предлагает ориентироваться в первую очередь на общие положения, закрепленные в п. 6 ст. 1252 ГК РФ [2; 5].

Соответственно, с учетом действующего соотношения общих и специальных норм инициирование перемещения положений законодательства из одной части нормативно-правового акта в другую сопровождается комплексом дополнительных рисков. В частности, норма может быть связана с другими специальными нормами и перемещение из специальных норм в общие скорее понизит ее статус, чем повысит. Такая общая норма станет в результате уязвимой перед любым законодательным изменением в специальных нормах.

В рамках рассматриваемой дискуссии отдельные специалисты отмечают, что важно избегать дублирования нормативных положений, которое может приводить к отсутствию единообразия в правоприменении. В

качестве примера повторяющих положения друг друга норм приводится п. 6 ст. 1252 ГК РФ и п. 2 ст. 1539 ГК РФ [1].

Отметим, что п. 6 ст. 1252 ГК РФ при наличии тождества или сходства до степени смешения между средствами индивидуализации (фирменным наименованием, товарным знаком, знаком обслуживания или коммерческим обозначением), которые могут вводить в заблуждение потребителей или контрагентов, преимущество отдает тому средству индивидуализации, исключительное право на которое возникло ранее, либо то, которое обладает более ранним конвенционным или выставочным приоритетом.

В свою очередь п. 2 ст. 1539 ГК РФ предусматривает недопустимость использования коммерческого обозначения, способного ввести в заблуждение относительно принадлежности предприятия конкретному лицу, особенно если такое обозначение сходно до степени смешения с фирменным наименованием, товарным знаком или другим коммерческим обозначением, исключительное право на которое возникло раньше.

Так, нарушение исключительного права на фирменное наименование может быть обусловлено наличием прав третьих лиц на коммерческие обозначения или товарные знаки, которые принадлежат другому правообладателю. В подобных ситуациях законодатель предписывает применять положения п. 6 ст. 1252 ГК РФ.

Кроме того, защита нарушенных исключительных прав может включать требование о признании недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку или знаку обслуживания, как это предусмотрено в норме, содержащейся в абз. 3 п. 6 ст. 1252 ГК РФ.

Следовательно, при детальном сопоставлении норм необходимо обратить внимание, что специальная норма привносит новшество в регулирование. Так, в соответствии с п. 6 ст. 1252 ГК РФ, если средства индивидуализации, которые тождественны или сходны до степени смешения, вводят в результате этого в заблуждение потребителей, то преимущество имеет средство индивидуализации с более ранней датой возникновения права.

В свою очередь п. 2 ст. 1539 ГК РФ разъясняет, что такое использование, во-первых, не допускается, а во-вторых, норма охватывает большее количество случаев введения в заблуждение, чем п. 6 ст. 1252 ГК РФ. Тем не менее справедливо утверждение о том, что текстуально нормы действительно изложены похожим образом.

Анализируя вопросы правоприменения, В.Н. Медведев отмечает, что в случае столкновения прав, например товарного знака и фирменного наименования, конфликт можно разрешить на основе положений п. 6 ст. 1252 ГК РФ, а также п. 3 и п. 4 ст. 1474 ГК РФ [6]. В данном случае специальная норма частично повторяет общую норму и вместе с этим развивает ее положения. Вместе с тем исследователь особое внимание уделяет необходимости такого положения, при котором у истца имеется право выбирать способ пресечения нарушения ответчиком его прав [6].

Однако, возвращаясь к анализу ст. 1539 ГК РФ, как верно указывает Н.М. Голованов, в статье отсутствует указание на то, что действующее ограничение на использование коммерческого обозначения, сходного с фирменным наименованием, относится исключительно к предприятиям, осуществляющим аналогичную деятельность [7]. Исходя из данной позиции представляется целесообразным дополнить п. 2 данной статьи соответствующим уточнением, например в заключительной части текста. В противном случае возникает риск расширительного толкования, согласно которому указанные ограничения могут распространяться на все случаи использования коммерческих обозначений вне зависимости от специфики хозяйственной деятельности.

Некоторые исследователи предлагают более радикальный подход и настаивают на преобразовании ст. 1539 ГК РФ. В частности, И.Г. Фруслов предлагает изложить ст. 1539 ГК РФ следующим образом: «Правообладатель вправе передавать другому лицу право использования коммерческого обозначения на условиях, определенных договором коммерческой концессии, лицензионным соглашением и другими договорами, относящимися к

имущественному комплексу, в который входит данное коммерческое обозначение» [8].

Заключение

Таким образом, в научной литературе можно выделить несколько подходов к соотношению общих и специальных норм в ГК РФ, регулирующих вопросы оспаривания интеллектуальных прав.

Так, одна группа исследователей, к которой можно отнести Е.А. Ариевича, И.Г. Фруслова, считает, что необходимо существенно дорабатывать отдельные нормы, которыми регулируется оспаривание интеллектуальных прав. В частности, это п. 9 ст. 1483 ГК РФ и ст. 1539 ГК РФ.

Вторая группа исследователей исходит из того, что действующие нормативные положения ГК РФ нуждаются лишь в незначительной доработке формулировок или в четком толковании норм при правоприменении. К таким исследователям можно отнести Н.М. Голованова и В.Н. Медведева.

Третья группа исследователей, в частности С.А. Ренжин и Д.А. Рожнова, придерживаются позиции, согласно которой существующее соотношение общих и специальных норм в рамках обозначенной темы гармонично.

Следовательно, в правоведческой дискуссии доминирует мнение о необходимости минимального вмешательства в сложившуюся систему норм, при этом основной акцент делается на необходимость их точной адаптации для совершенствования правоприменительной практики.

Список источников

1. Ариевич Е.А. «Серые зоны» на стыке институтов авторского права, промышленных образцов и товарных знаков / А.Е. Ариевич // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 37. № 1–2. – С. 204–212.

2. Ренжин С.А. Пересечение прав на товарный знак и объект произведения С.А. Ренжин, Д.А. Рожнова // Интеллектуальная собственность для государства и человека: сборник докладов XXVII Международной научно-практической конференции Роспатента, Москва, 28–29.09.2023. – Москва: Федеральный институт промышленной собственности, 2023. – С. 87–90. – EDN MIYXHA.

3. Плотников Д.А. Коллизии между общими и специальными гражданскими процессуальными нормами как предпосылка совершенствования системы гражданского процессуального права / Д.А. Плотников // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2021. – № 2. – С. 27–36.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 05.10.2000 № 199-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кушнарёва Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 40.1 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 1 статьи 12 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» // Экспресс-Закон. 2001. № 6 (февраль).

5. Боженов М.А. Содержание права на фирменное наименование / М.А. Боженов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-2(68). – С. 245–247. DOI 10.24412/2500-1000-2022-5-2-245-247. – EDN ZMGLJX.

6. Протокол № 26 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2(32). – С. 4–33. – EDN XСAMZJ.

7. Голованов Н.М. К вопросу о «столкновении» исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности // Новеллы права, экономики и управления 2022: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25.11.2022. Том 1. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. – С. 75–79. – EDN ESFEMO.

8. Фруслов И.Г. Реализация прав на коммерческое обозначение по гражданско-правовым договорам // Эпомен. 2023. № 77. – С. 74–88. – EDN RIIPGF.

References

1. Arievich E.A. Gray zones at the junction of copyright institutions, industrial designs and trademarks. *Trudy po intellektual'noy sobstvennosti = Proceedings on Intellectual property*. 2021. Vol. 37, No. 1-2. Pp. 204-212 (in Russ.).

2. Renzhin S. A., Rozhnova D. A. The intersection of trademark rights and the object of the work. Intellectual property for the state and man: *sbornik dokladov XXVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Rospatenta = collection of reports of the XXVII International Scientific and Practical Conference of Rospatent*, Moscow, 09–09/29/2023 – Moscow: Federal Institute of Industrial Property, 2023. Pp. 87–90. EDN MIYXHA (in Russ.).

3. Plotnikov, D. A. Collisions between general and special civil procedural norms as a prerequisite for improving the system of civil procedural law // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2021. No. 2. Pp. 27–36 (in Russ.).

4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05.10.2000 No. 199-O On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Andrey Mikhailovich Kushnarev for violation of his Constitutional Rights by the provisions of Part One of Article 40.1 of the Labor Code of the Russian Federation and paragraph 1 of Article 12 of the Law of the Russian Federation On Employment in the Russian Federation. *Ekspress-Zakon = Express-The Law*. 2001. No. 6 (February) (in Russ.).

5. Bozhenov M.A. The content of the right to a trade name. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. No. 5-2(68). Pp. 245-247. DOI 10.24412/2500-1000-2022-5-2-245-247. EDN ZMGLJX (in Russ.).

6. Minutes No. 26 of the meeting of the Scientific Advisory Council at the Intellectual Property Rights Court. *Journal of the Court of Intellectual Property Rights = Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2021. No. 2(32). Pp. 4–33. EDN XCAMZJ (in Russ.).

7. Golovanov N.M. On the issue of the «clash» of exclusive rights to the results of intellectual activity. *Novels of Law, Economics and Management 2022: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Gatchina, 11/25/2022*. Volume 1. Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2023. Pp. 75–79. EDN ESFEMO (in Russ.).

8. Fruslov I. G. Realization of the rights to a commercial designation under civil law contracts. *Ером*. 2023. No. 77. Pp. 74–88. EDN RIIPGF (in Russ.).

Статья поступила 22.03.2025, принята к публикации: 31.03.2025.

© Зеленков В.И.
